Русская Революция и Анархизм.

Доклады, читанные на съезде Коммунистов-Анархистов, в октябре 1906 года. Под редакцией П. Кропоткина

Пётр Кропоткин

1907

Оглавление

ЗАКЛЮЧЕНИЯ СЪЕЗДА. **5**

1. – Политическая и экономическая революция. **7**

II. – О грабеже и экспроприации. **9**

III. – Об актах личного и коллективного протеста. **11**

IV. – Вопрос об организации. **13**

V. – О рабочих союзах. **14**

VI. – Всеобщая стачка. **16**

ДОКЛАДЫ. **17**

I.
РЕВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ.
П. Кропоткин **18**

II.
ЕЩЕ К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ.
М. Корн. **25**

III.
НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К КРЕСТЬЯНСКИМ И РАБОЧИМ СОЮЗАМ.
П. Кропоткина. **29**

IV.
О ТЕРРОРЕ.
Вл. Забрежнева. **33**

V.
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ.
М. Корн. **43**

VI.
ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТОВ-АНАРХИСТОВ
К СУЩЕСТВУЮЩИМ В РОССИИ
ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ.
И. Ветрова. **50**

VII.
ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА.
М. Изидиной **55**

В октябре 1906 года, перед тем как возобновить издание Листков «**ХЛЕБ и ВОЛЯ**», несколько товарищей коммунистов-анархистов собрались для обсуждения разных вопросов, выставленных опытом молодого анархического движения в России. Было прочтено для этого несколько Докладов, и приняты были Заключения.

И те и другие были напечатаны в «Листках», а теперь печатаются отдельной брошюрой, как материал для товарищеского обсуждения в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ СЪЕЗДА.

_____

1. – Политическая и экономическая революция.

1. – Наша цель – социальная революция, то есть полное уничтожение Капитализма и Государства, и замена их Анархическим Коммунизмом. Эту конечную цель мы всегда должны иметь в виду, и ею мы должны руководиться в оценке совершающихся событий.

Характер революции, начавшейся в России, уже определился. Она происходит не в виде уличного бунта, ведущего к созыву парламента, а в виде народной революции, которая продлится несколько лет, низвергнет старый порядок вообще и глубоко изменит *все экономические отношения вместе с политическим строем*.

В обоих этих направлениях мы и должны вести борьбу против старого строя. Делить её во времени на два периода: один для получения представительного правления, а другой – для получения экономических реформ, – мы считаем положительно невозможным. Мы утверждаем, наоборот, что народ только то и получит от революции в области экономической, что он сам возьмёт революционным путём. Самое «революционное» Учредительное Собрание будет только сделкой между старым порядком и новым, и сможет только утвердить на бумаге то, что народ сделает на деле.

Из этого, однако, отнюдь не следует, чтобы мы могли относиться безучастно к борьбе, ведущейся теперь против самодержавия. Мы боремся против Государства, но не в отвлечённой идее, а в тех формах, которые оно принимает в жизни народов. Поэтому мы боремся против него всегда и везде, и очевидно не можем не бороться против самого худшего его воплощения – самодержавия, которое представляет собой самую сильную и самую стойкую форму государства, – самый сильный оплот крупного землевладения и капитализма – самое ужасное орудие богатых и властных для доведения народа до нищеты и духовного рабства.

Чем сильнее – именно теперь – будет наша борьба против русского самодержавного государства, чем больше будет доля народа, а вместе с народом – и наша доля в ниспровержении теперешнего самовластия опричников, – тем слабее будет та новая форма государственного гнёта, которая может создаться на развалинах самодержавия.

Если место самодержавия заступит всероссийский парламент, то чем сильнее выступят народные массы в свержении самодержавия, и чем больше будет их участие в созидании новых, местных форм жизни страны, – тем слабее будет власть буржуазии и помещиков в парламенте, и тем легче будет вести дальнейшую борьбу.

В Думе нам делать нечего: у нас есть своя работа. Но наша работа – вовсе не в том, чтобы бороться против сторонников Думы, которые борются с самодержавием. Наше дело – в том, чтобы *проводить в народные массы идею захвата народом всего*

того, что нужно для жизни и производства – земли, фабрик, заводов, железных дорог и так далее – и бороться вместе с народом против мер, которые законодатели захотят принять в интересах капитализма и государственной централизации.

Наше место всегда, везде – среди народа, вместе с народом, чтобы Русская Революция была шагом вперёд сравнительно с революцией французской и американской.

———

II. – О грабеже и экспроприации.

На нашем съезде мы тщательно обсуждали вопрос о так называемой «экспроприации», личной и групповой, и собирались изложить наши мысли в виде докладов и заключений.

Мы хотели указать на необходимость удержать слово «экспроприация» для такого насильственного *отчуждения* земли, фабрик, заводов, домов и так далее, которое производится целым обществом – сельским, городским и так далее – в интересах всей деревни, города, области или народа; а не употреблять его для обозначения актов личного или группового *присвоения* средств, – хотя бы и в видах революционных.

Стремясь к экспроприации земли и всех средств производства русским народом, нам не следует, думали мы, заранее суживать смысл этой великой идеи – основе всего коммунистического миросозерцания.

Мы хотели также указать на опасность, которая представилась бы для всякой революционной партии – тем более во время революции – если бы захват денег где попало, хотя бы и на строго революционные дела, вошёл в программу деятельности партии и через то получил бы широкое распространение. Признавая вполне все необходимости боевого времени, мы хотели показать, как умножение актов грабежа всегда деморализовало армии, допускавшие его как средство жизни в неприятельской стране; и мы хотели напомнить, как во время Великой Французской революции дело дошло до того, что вокруг крайних революционных партий, имевших в виду *общее благо*, развилось такое множество людей, преследовавших цели *личной наживы*, – что общественное мнение наконец не могло разбираться между теми и другими. Этим и воспользовались, конечно, сперва умеренные, а потом реакционные партии, чтобы поднять общественное мнение трудящегося *народа* против крайних революционеров, и задушить их, а с ними – задушить и Революцию вообще.

Мы хотели изложить эти и другие соображения.

Но за последние две-три недели дела в России приняли опять новый оборот. Царское правительство ввело военно-полевые суды, и эти суды принялись беспощадно казнить всех революционеров, обрушиваясь с особой яростью на тех, которых захватывают на грабеже или только подозревают в соучастии.

Каждодневно, повсеместно идут казни, и в тюрьмах вешают без конца, даже юношей, без всякого суда и разбора, утверждая, что вешают за грабеж. И каждый день геройски умирают революционеры, отдавая свои молодые жизни за дело освобождения русского народа.

Спокойно рассуждать теперь о том, насколько целесообразно для революции грабить государственные и общественные учреждения, – нет никакой возможности. Когда правительство свирепо набрасывается и казнит без разбора за грабеж, а само вместе с тем прямо, открыто организует разбои, грабеж и убийство на улицах через чёрные сотни; когда погромы и разграбления евреев организуются даже в мини-

стерствах с одобрения петергофского дворца, а у убиваемых черносотенцами нет даже оружия для самозащиты – в таких условиях рассуждения бессильны. Действуя таким образом, правительство само толкает всех на всеобщий грабеж и заранее оправдывает всякое насилие.

Всё что мы можем сделать, поэтому, это – напомнить товарищам, что ни при каких обстоятельствах мы не должны упускать главных, великих задач Революции.

Понятно, что когда между чиновничеством, окружающим самодержавный престол, и русским народом началась война на жизнь и смерть, и когда правители России не останавливаются даже перед такими средствами, как вешание малолетних без суда, как избиение женщин и детей на улицах и организация грабежа и погромов государственными средствами, – при таких условиях о нравственных началах трудно рассуждать.

Но всё-таки главная, всемогущая, всепобеждающая сила Революции – не в её материальных средствах. Материально всякая революция слабее Государства, так как всякая революция делается *меньшинством*. Главная сила революции – в её нравственном величии, в величии преследуемых ею целей для блага всего народа, в сочувствии, которое она встречает в массах, во впечатлении, которое она производит на миллионы людей, – в её обаянии. А эта сила всецело зависит от начал, проводимых ею в жизнь.

Без этой нравственной силы никакая революция никогда не была бы возможна. Её – мы и должны беречь больше всего, каковы бы ни были минутные условия борьбы.

А сохранить эту нравственную силу Революции мы можем только тогда, если будем помнить всегда и везде, как это и делают повсеместно русские крестьяне, что цель революции – не переход богатств из одних частных рук в другие, – а переход их из частных рук *в руки общества, массы народа*.

К этой высокой общественной цели и должны мы стремиться прежде всего, помня, что достичь её нельзя в одиночку; что для этого нужно *совместное действие масс народа*; и что поэтому нужно строго беречь *нравственный облик, с которым русский революционер до сих пор всегда являлся перед русским народом*.

———

III. – Об актах личного и коллективного протеста.

В нашей литературе неоднократно указывалось на неизбежность тех актов индивидуального или коллективного протеста против опор современного общественного строя, которые носят название террора. В нереволюционное время они служат часто признаком общественного пробуждения и поднимают дух независимости в массе. Они подают пример личного геройства на служение общественному делу и тем самым будят равнодушное большинство; вместе с тем они подрывают веру в могущество политических и экономических угнетателей. В революционную же эпоху они становятся общим явлением, и не одни только исключительно героические личности отвечают вооружённым отпором на давящий их гнёт. В такое время не нужно даже быть принципиальным революционером, чтобы сочувствовать этого рода актам. Но, признавая это общее положение, необходимо однако помнить, что значение каждого террористического акта измеряется его результатами и производимым им впечатлением.

Это соображение может служить мерилом того, какого рода акты содействуют революции, и какие могут оказаться напрасной тратой жизней и сил. Первое условие, которое ставит жизнь, это – чтобы данный террористический акт был понятен всякому без длинных объяснений и сложной мотивировки. Есть личности, настолько известные своей деятельностью (всё равно, в целой ли стране или среди населения данной местности), что при известии о нападении на них каждому тотчас же, без помощи революционных изданий, вспоминается их прошлое, и террористический акт представляется совершенно ясным. Если же для понимания данного акта человеку из массы, не революционеру, приходится проделать целую головоломную работу, то влияние его сводится на нуль, или даже оказывается отрицательным; акт протеста превращается тогда в глазах массы в непонятное убийство.

Деление террора на политический и экономический, на центральный или «разлитой», мы находим совершенно искусственным. Мы боремся одинаково с экономическим и политическим гнётом, с гнётом центрального правительства, как и с гнётом местной власти.

Есть в вопросе о терроре другая сторона – организационная. Мы считаем, что террористический акт есть дело решимости отдельной личности или кружка помогающих ей товарищей; поэтому централизованный террор, в котором действующая личность играет роль исполнителя чужих решений, противен нашим понятиям. Как мы не считаем возможным удерживать товарищей от революционных актов во имя партийной дисциплины, так точно мы не считаем возможным и приглашать их отдать свою жизнь в деле, которое решено и предпринято не ими.

Главное различие по вопросу о терроре между нами и политическими партиями заключается в том, что мы вовсе не думаем, чтобы террор мог служить *средством* для изменения существующего порядка, а видим в нём только проявление совершенно естественного чувства возмущённой *совести*, или же самозащиты, которое, именно вследствие этого, и имеет агитационное значение, способствуя развитию такого же чувства возмущения среди народа.

———

IV. – Вопрос об организации.

Русские коммунисты-анархисты, отрицая, подобно их западноевропейским товарищам, всякие формы иерархической (лестничной) организации, свойственной партиям социалистов-государственников, стремятся осуществить в своей среде другой тип организации на основе свободного соглашения независимых групп между собой.

Необходимым условием прочности и успешности такого рода организации является тесная связь всех членов внутри каждой отдельной группы, а потому полезнее иметь в городах и больших селениях несколько меньших групп, объединённых в федерации, чем одну большую группу.

Даже в тех случаях, когда отдельные группы берут на себя какие-нибудь специальные обязанности, они ни в каком случае не становятся комитетами, так как их решения не обязательны для других групп, если они с ними не согласны.

Связь между отдельными группами лучше всего достигается – не через посредство постоянных комитетов, заранее выбираемых для управления всеми разнообразными делами федерации. Такие комитеты всегда стремятся стать, и очень скоро становятся, как и всякое правительство, тормозом дальнейшего развития.

Гораздо лучшая связь между группами, как доказано опытом, может быть достигнута путём особых совещаний, созываемых группами периодически в известные промежутки времени, или же по каждому данному вопросу, выдвигаемому самой жизнью, – причём такие совещания составляются из товарищей, посылаемых своими группами *ради данной специальной цели*, и их постановления не обязательны для групп, а могут быть приняты или отвергнуты ими.

Этот способ организации лучше предохраняет от расколов в партии, чем обыкновенный способ иерархических организаций, и многолетний опыт доказал, что вопреки господствующему мнению, – между многочисленными свободными анархическими группами легче достигается соглашение и единство в действиях. Несмотря на отсутствие партийной дисциплины и принуждения, различие мнений по частным вопросам не мешает соглашению на практической деятельности, – причём среди анархистов удерживается самая драгоценная черта в революционные периоды – именно способность личного почина.

Между тем, в организациях лестничных, покоряющихся центральной власти, соглашение бывает только кажущееся, и «дисциплина» покупается многолетними внутренними разногласиями, при которых несогласные фракции парализуют деятельность друг друга, и то, что давно отжило своё время и должно было бы уже исчезнуть, искусственно поддерживается дисциплиной и мертвит партию.

———

V. – О рабочих союзах.

В России, как и везде, среди анархистов возникает вопрос, нужно ли нам принимать живое участие в рабочих организациях. Вопрос этот, как показал опыт Западной Европы, заслуживает самого серьёзного внимания.

Среди рабочих всего мира идёт в настоящее время глубокое движение, имеющее целью создать громадную организацию, охватывающую все классы рабочих и организованную интернационально, вне всяких политических партий. Другими словами, рабочие стремятся возродить Интернационал шестидесятых годов в той форме, в какой он существовал до тех пор, пока интриги немецких социал-демократов, желавших обратить Интернационал в политическую партию, не парализовали могучую рабочую организацию.

Рабочие понимают, что при наступлении революции им придётся сыграть главную роль, и что они одни в силах будут придать ей характер революции социальной. Они понимают также, что могучие профессиональные союзы, охватывающие международно всех рабочих данной отрасли труда, представляют вместе с тем кадры, из которых начнёт вырабатываться будущий строй.

Социал-демократы смотрят на рабочие союзы как на *подспорье* политической борьбе; анархисты же смотрят на них как на *естественные органы прямой борьбы с капиталом и для склада будущего стр*оя – органы *необходимые* сами по себе, для своих, рабочих целей. В этом отношении в Западной Европе анархисты достигли уже значительных успехов. Не менее успешна также наша пропаганда всеобщей стачки, которая быстро распространяется среди рабочих союзов в Европе, в Америке и даже в Австралии[1].

Значение всеобщей стачки для России мы все могли оценить в прошлом Октябре, когда даже неверующие должны были убедиться в её революционном могуществе. Но ещё нужнее окажутся рабочие союзы в ближайшем будущем. С созывом Думы многие революционные силы отвлекутся на созидание буржуазного строя, и рабочим союзам придётся выступать всё более и более как силе социалистической или коммунистической, полагаясь лишь на самих себя.

Ввиду этого мы думаем, что мы обязаны принимать деятельное участие в жизни рабочих союзов, – не давать их эксплуатировать политическим партиям и вносить в них революционную мысль вообще, стремясь создать из них ту силу, которая могла бы приступить к планомерной массовой экспроприации.

В практике перед нами возникает вопрос, – вступать ли анархистам в рабочие союзы, уже существующие, – или же стремиться создавать новые союзы на анархических началах?

[1] Если она не была начата во Франции прошлого 1-го мая, то этому помешало тревожное состояние Европы. Французские рабочие чувствовали, что с минуты на минуту могла вспыхнуть война Франции и Германии, на которую Францию толкала Англия.

Прежде чем дать ответ на этот вопрос, мы хотели бы проверить наши соображения результатами работы местных людей в России. Мы думаем, однако, что везде где окажется возможность, анархистам следовало бы создавать новые рабочие, анархические союзы, которые могли бы вступать в федеративные отношения с другими союзами той же отрасли труда. Там же, где существуют союзы *беспартийного характера*, там анархистам следовало бы вступать в них.

———

VI. – Всеобщая стачка.

В настоящее время мы можем смело сказать, что всеобщая стачка, на которую нашими западноевропейскими товарищами неустанно указывалось за последние годы как на средство правильно поставить начинающуюся революцию, действительно оказалась могучим орудием борьбы, и что в такие моменты, как переживаемый ныне Россией, она может происходить с единодушием и всеобщностью, которые прежде не считались возможными.

Мы думаем поэтому, что всеобщая стачка и впредь должна считаться нами могучим средством борьбы.

Принимая однако во внимание опыт прошлой зимы, мы должны помнить, что всеобщая стачка не есть средство, к которому можно прибегать по воле центральных комитетов, и которое можно вызвать во всякое время простым постановлением большинства рабочих делегатов. Не говоря уже о том, что всеобщая стачка сопряжена для рабочих масс с невыразимыми лишениями и страданиями, и уже по этому одному рабочие могут прибегать к ней только через долгие промежутки времени, – вообще забастовка только тогда может быть успешна, когда она вытекает из желания громадного большинства рабочей массы. Если, вообще говоря, решение вопросов небольшим большинством представителей есть плохое средство, то в данном случае оно совершенно неприложимо, и всякая попытка *навязать* рабочим всеобщую стачку в целях борьбы с самодержавием может повести только к жестоким потерям, поражению и разочарованию, – если потребность во всеобщей забастовке не сознаётся в известную минуту значительной массой рабочих.

Прибавим ещё, что хотя всеобщая забастовка и оказывается хорошим средством борьбы, она не избавляет прибегнувший к ней народ от необходимости вооружённой борьбы с господствующим строем.

Ещё раз подтверждая всю важность всеобщей стачки, мы указываем вместе с тем на необходимость одновременно не упускать из вида обязательно необходимой подготовительной работы – в среде крестьян и рабочих, в виду *немедленного использования первых же результатов побед, одержанных путём всеобщей стачки*, с тем чтобы, не дожидаясь дальнейшего развития событий, немедленно приступать к экспроприации земли, орудий производства и средств потребления, хотя бы в отдельных местностях и городах, где это представится возможным.

———

ДОКЛАДЫ.

I.
РЕВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ.
П. Кропоткин

В № 14-ом «*Хлеб и Воля*» были напечатаны решения небольшого съезда, состоявшегося в декабре 1904-го года, на котором несколько товарищей, анархистов-коммунистов, высказали свои мнения относительно необходимости образования анархической партии в России и вкратце указали основные начала, на которых партия могла бы сформироваться.

С тех пор в России произошёл целый ряд крупных событий, которые уже в корень переродили всю жизнь страны и глубоко отзовутся на всей её дальнейшей истории. Революция разлилась широкой волной по всей России, Сибири, Польше, Кавказу и так далее, и мы имеем перед собою почти двухгодовой опыт революционной жизни. А потому, возобновляя теперь наше временно приостановленное издание и приступая к изданию *Листков* «*Хлеб и Воля*», мы сочли нужным собраться в числе нескольких товарищей и тщательно обсудить, что дал нам опыт этих лет.

Прежде всего мы отмечаем, что мы не ошиблись тогда в нашем основном положении. Переход от самодержавия к какой-нибудь форме представительного правления, к которому вело всё развитие Европы в девятнадцатом веке, и о котором заговорила тогда Россия, не совершился у нас тем путём, каким подобный переход совершился в 1848-м году в германских государствах, и как того ожидали теоретики, воспитанные на немецкой социал-демократической литературе. Он идёт у нас тем путём, каким шёл в Англии, в 1648-1688 годах, и во Франции в 1789-1794, – то есть *путём народной революции, продолжающейся несколько лет и глубоко изменяющей существующие отношения, политические и экономические, – революции, низвергающей Старый Порядок и водворяющей Новый*.

Требования, выставленные народными массами в России, оказались гораздо шире тех, которыми довольствовались берлинские рабочие в 1848-м году. Русские городские рабочие уже выставили широкие экономические требования и ещё не сказали в этом отношении своего последнего слова; а крестьяне заявили своё право не только на те земли, которые были отняты у них в 1861-м году во время освобождения от крепостной зависимости, но и на все земли, отнятые раньше у народа боярами и вельможами путём захвата или царских законов.

Программы, которыми хотели заранее ограничить русскую революцию, полетели, таким образом, как карточные домики, едва народ начал выступать на борьбу.

Кроме того, самыми могучими силами в русской революции оказались городские рабочие и крестьяне. Они сразу опередили революционеров из имущих классов. Если самодержавие пошло уже на уступки, то вынудили эти уступки такие *массовые* события, как манифестация 9-го января 1905-го года, почти всеобщие стачки в мае того же года в Польше, всеобщая забастовка в октябре, повсеместные волнения в городах, и наконец широко разлившиеся крестьянские восстания, начавшиеся с осени 1904-го года и продолжающиеся по сию пору; причём очевидно, что глубоко возмущённые крестьянские массы не успокоятся, пока не будет признано их право на все вышеупомянутые земли.

Благодаря этому, дело русской революции сразу поставлено так, что переворот, у нас, не может ограничиться одним изменением формы правления и заменой петергофской дворни представительной Думой. *Переворот совершается у нас экономический вместе с политическим*. *И совершается экономическая ломка – не через новые представительные учреждения*, – как того желали и требовали наши буржуазно-демократические партии, *а самим восстающим народом*.

Сама жизнь доказала, таким образом, что мы были правы, когда заявляли два года тому назад, что не признаём возможным делить борьбу на два последовательных периода: один для политического переворота, а другой – для экономических реформ, которые будто бы совершит русский парламент. Вместе со всем русским народом мы боремся против самодержавия; но мы обязаны вместе с тем работать, чтобы *расширить борьбу и направить её одновременно против капитала и против государства*.

Мало того. Мы утверждаем, что только то и будет достигнуто для улучшения материальной жизни крестьян и рабочих – только то и положит конец голодовкам в России и вымиранию миллионов русского народа, – только то даст народу возможность двигаться дальше на пути к полному освобождению, – *чего крестьяне и рабочие добьются сами, революционным путём*. Волю цари не дарят; парламенты её также не дают: её надо брать самим.

Уговаривать поэтому рабочих, чтобы они на время отложили свои экономические требования, и уверять их, что они всего этого лучше достигнут через Думу, – или же уверять крестьян, что надо бунтовать, чтобы получить Учредительное Собрание, а оно уже даст им землю и волю, – *в наших глазах преступно*. Люди, проповедующие такую тактику, должны были бы знать, что никогда, нигде, никакой парламент, даже во время революции, *не брал и не мог взять на себя совершение серьёзных экономических преобразований законодательным путём*.

Всякий Парламент, всякая Дума, всякое Учредительное Собрание *по существу своему* есть сделка между партиями будущего и партиями прошлого. А потому он не может принять никакой *революционной меры*. Самый революционный парламент может только утвердить, узаконить то, что уже будет совершено народом. Самое большее что он может сделать, это – распространить (на бумаге, по крайней мере) на всю страну то, что сделано уже в значительной части страны. Но и то бывает только

под давлением извне, и такое распространение тогда только и переходит в жизнь, когда *на местах*, *на деле*, народ совершает переворот[1].

Мы прекрасно знаем, что даже при указанных сейчас благоприятных условиях совершающийся в России переворот всё-таки не будет социальной революцией. Но он может быть шагом, облегчающим затем успех социальной революции, *если улучшение материального и правового положения крестьян и рабочих будет достигнуто революционным путём, а не путём законодательных полумер*.

Если русская революция действительно примет такой характер, – а от нас самих многое зависит в этом отношении – в таком случае в России *не* создастся той крепкой и сильной власти феодально-буржуазного государства, которая создалась в семнадцатом веке в Англии и в 1848-м году в Германии, и которая затормозила на долгие годы дальнейшее освобождение рабочих и крестьян.

Если русские крестьяне *завоюют* себе землю, а также личную и общинную свободу, если они утвердят право на землю для всех тех, кто хочет возделывать её своими руками, и заставят Думу признать этот совершившийся факт; если русские рабочие теперь же, во время начавшейся революции, *завоюют* условия, дающие им возможность общечеловеческого развития, не только уменьшая рабочий день, но и утвердив своё право и возможность самим непосредственно заведовать промышленностью, – если они осуществят только это, а осуществить при теперешнем положении они могли бы и больше, – тогда, какая бы форма представительного правления ни народилась в России, она уже не приобретёт той власти, которую приобрёл Наполеон I после Революции, или же Бисмарк после уличного бунта в Берлине, побудившего прусского короля созвать Парламент. Тогда русский Парламент уже не будет могучим оплотом буржуазии. В худшем случае он будет только мертворождённым учреждением переходного периода[2].

* * *

Опыт последних двух лет ещё более убеждает нас в том, что нашу конечную цель, то есть разрушение капитализма и его верного слуги, государства, и замену их вольным коммунизмом, – мы постоянно должны иметь в виду, как бы ни было

[1] Самый революционный парламент в истории был Конвент, избранный во Франции, в сентябре 1792 года, тотчас после того, как народ Парижа взял королевский дворец и засадил короля в тюрьму. Этот Конвент признал, в июне и в июле 1793 года, уничтожение, без выкупа, всех крепостных (феодальных) прав, и возврат сельским общинам земель, отнятых у них помещиками за предыдущие 225 лет, – после того как крестьяне совершили уже и то и другое на деле, в большей половине Франции. Но – чтобы добиться этих двух законов от Конвента, революционной части Конвента пришлось, 31 мая 1793 года, *поднять Парижский народ против Конвента и, при помощи Парижской Коммуны, арестовать другую часть Конвента, то есть 214 членов*, из которых 34 были объявлены вне закона и казнены, а 180 засажены в тюрьму. И это – для того, чтобы провести такое явно справедливое решение, которое в части Франции, крестьяне уже сами провели и совершили.

[2] Вспомним, что во Франции, во время Великой Революции, несмотря на невероятное истощение, в которое повергли её войны, объявленные ей всеми монархиями (в революционных войнах погибло более миллиона самых отважных людей), – несмотря на отчаянную реакцию, ставшую возможной в силу такого истощения, – феодально-буржуазные правительства Бурбонов и Орлеанов не могли продержаться более 15-18 лет. Революции повторялись каждые 15-18 лет. Франция пережила уже одну социалистическую революцию (1848) и одну коммуналистическую (1871).

далеко их конечное осуществление. Она одна даёт нам верную меру для оценки всех совершающихся событий и наших собственных действий во время революции.

Но мы поступили бы безумно, если бы мы ограничили свою борьбу исключительно экономической программой, оставшись безучастными в совершающейся теперь политической борьбе против самодержавия. Самодержавие – одна из самых вредных форм государственности, хотя бы уже потому, что она даёт государству такие страшные силы, что борьба против неё требует неимоверных усилий и жертв, – у нас в России она ведётся уже полстолетия, если не больше. Ею держалось крепостное рабство, ею доведена крестьянская Россия до её ужасного, нищенского состояния, и ею она держится в этом состоянии; ею поддерживается рабство и экономическая приниженность везде, в Европе. Самодержавная Россия была жандармом Европы против народных революций 1848-го года. Она помогала больше, чем кто-либо, задушить социализм 1848-го года, и она же вместе с Англией стояла во главе коалиции против революционной Франции 1793-го года.

Поэтому, признавая идеалом будущего безгосударственный строй, мы тем не менее не можем оставаться вне реальной жизни, в ожидании пришествия нового строя. Мы боремся не с отвлечённым понятием о государстве, а с государствами живыми и угнетающими народы. Оттого наши товарищи в западной Европе и Америке, – зная, что какую бы личину ни принимала государственная власть, она всегда является защитником интересов земельных, промышленных, торговых и биржевых эксплуататоров, – находятся с нею в постоянной борьбе, какую бы форму она ни принимала.

Тем больше обязательно нам бороться против государственной власти в России, где, благодаря целому ряду исторических условий, самодержавие является не только врагом всякой личной свободы человека, но и созидателем и охранителем самых ужасных форм эксплуатации народного труда, и вместе с тем формой, навязанной русскому народу извне.

Вообще, историческая жизнь идёт не по клеточкам, на которые разграфили её всякие теоретики. И если политическая форма, которая заступит в России на место самодержавия, будет та или другая форма представительного правления, – из этого вовсе ещё не следует, чтобы русские представительные учреждения непременно должны были быть сколком с прусского или немецкого императорского парламента. Если русскому народу удастся *теперь же* подрезать крылья капитализму и земельной аристократии, то он этим самым уже подрежет крылья и государственной власти. Он сделает феодально-буржуазный парламент, на немецкий манер, невозможным; но он сделает невозможной и централизованную республику, на манер французской. А если народному восстанию в России удастся подрезать власть центрального правительства, и отвоевать у него многое из того, что в западной Европе считается достоянием министерских чиновников; если русский народ отвоюет себе широкие права экономические и политические *в общине, в сельском обществе, в волости и в области*; если народ возьмёт сам *в свои руки* заведование хозяйством, продовольствием, образованием, путями сообщения, рудниками и так далее – отнявши все эти области у петербургских чиновников, – то и русское государство, каким оно сложится после революции, получит совершенно другой характер, чем оно получило после

революции в Англии, во Франции и в Соединённых Штатах. И, в силу этого, русскому народу будет облегчена дальнейшая борьба с капитализмом.

Вообще, наши теоретики-социалисты слишком поторопились решить, что Россия непременно должна пройти через период точь-в-точь такого же парламента, какой получили немцы. Германия ещё не переживала революции. Её конституции – октроированные, то есть дарованные королями, напуганными французской революцией 1848 года; они – *не плод революции*.

Мы можем поэтому смело утверждать, что от степени энергии, которую проявят в теперешней революции крайние противо-государственные партии, – будет зависеть большая или меньшая сила государственной власти, то есть чиновничества, в России, а также большая или меньшая подчинённость личности и большая или меньшая политическая свобода, которую завоюет Россия. А вместе с тем и прочность владычества буржуазии.

Если анархисты и сродные им элементы предоставят всё дело политического переворота в руки буржуазных якобинцев и их естественных союзников – социал-демократов, мечтающих о диктатуре своей партии, – то они изменят народному делу, и их бездействие отзовётся на весь дальнейший ход истории. Анархическое понимание политических отношений настолько сродно русской жизни, а государственная, то есть чиновничья централизация настолько чужда и противна русской жизни и русскому складу ума, что в *этом отношении нам предстоит громадная* работа, лишь бы среди анархистов нашлись и около них сгруппировались люди, понимающие всю важность этой работы – именно в настоящую минуту, когда централизаторы и чиновники всех лагерей хотят утвердить свою власть на развалинах власти, теряемой гнилым самодержавным строем.

В Думе нам делать нечего. В лагерь правящих мы не пойдём. Давать наши силы на дело созидания государственной силы мы не станем. У нас есть своя работа. Но мы изменили бы своей программе, если бы, на том основании, что Дума не есть анархическая форма политических отношений, мы отошли в сторону и перестали интересоваться её действиями. Напротив того, и до созыва Думы и после, мы обязаны разъяснять ещё неясные, может быть, требования и желания самостоятельности среди народа, упорно отстаивать их, проводить их в жизнь, требовать их признания от желающих идти в Думу и, как бы думцы ни вздумали решать вопросы народной жизни, мы должны настаивать на следующем:

Земля – вся земля – народу, тем кто сам обрабатывает её. *Не в личное владение, как это сделали буржуазные парламенты французской революции, – а в общинное*. И передача дела распределения земли не в руки Министерства Государственных Имуществ, хотя бы и социал-демократического, а самих общин и союзов общин.

Фабрики, заводы, угольные копи, железные дороги – не Министерству Труда, а самим рабочим, которые на них работают, с организованным в вольные союзы.

Почту и почтовые сообщения – не Почтовому Директору, а тем, которые в данное время совершают реально, на деле, всю почтовую работу на местах.

Образование народа – не Боголеповым, одетым в новые мундиры – а самому народу, самим крестьянам и рабочим, самим жителям, организующимся для этого в Образовательные союзы.

И так – во всех вопросах. По каждому из них мы должны стоять с *народом*, и рука об руку с ним бороться против централизаторских якобинских стремлений буржуазии и социал-демократов.

И чем сильнее выступим мы на защиту наших начал *в каждом практическом вопросе*, – именно теперь, в эту пору всеобщей ломки, – тем больше сделаем мы для дальнейшего развития анархизма. Революция открывает нам возможность выступить из области теории в практическую агитацию. Постыдно было бы уклониться от этой обязанности.

Еще несколько слов.

Присматриваясь к тому, что до сих пор делали в России анархисты, мы должны признать, что нашими товарищами едва ли была понята та вся важность предстоящей нам задачи.

Много личного геройства было проявлено за эти два года. Но все оно проявилось так, как будто мы думали, что стоит только отдельным лицам смело бороться с старым порядком, совершить несколько актов террора и отнять денег у богатых, чтобы народ восстал, свергнул немедленно старый строй и приступил к коммунистической экспроприации богатств. Дело революции, однако, не так просто. Без народа, без масс не может быть революции. Но массы, – если геройские акты и заставляют их задумываться – все-таки не поднимаются; если внутри них не сделано серьезной, предварительной агитационной работы.

Вообще, анархистам в русской революции предстоит работа гораздо более серьезная, – смело скажем, более великая, чем работа одиноких аванпостов, завязывающих перестрелку. *Мы должны стать революционной силой, народной силой*, которая была бы способна помочь народу, чтобы проложить новые нити в революционной перестройке всей русской жизни.

Нам предстоит не только совершить несколько подвигов личного геройства. Нам предстоит вместе с массой русского народа найти то, что не нашли еще анархисты 1793-го года[3] – а именно, найти новые пути, создать новые формы народного политического союза, которые положили бы начала вольной, безгосударственной, федеративной жизни.

Франция в своей революции выступила на путь экономического уравнения. Соединённые Штаты в революции 1773 года указали путь федерализма. России предстоит теперь совершить ту же революцию и проложить при этом новые пути, – экономического федерализма, соединённого с обеспечением свободы личности.

И что бы ни вышло из Русской Революции, зачатки такого нового развития должны быть положены в ней. Но положить их лежит на нас, анархистах. Иначе мы окажемся ниже требований, поставленных нам историей, ниже задач, поставленных самой нашей партией. А чтобы выполнить эту задачу, мы должны выйти из нашей изолированности, понять нашу великую историческую миссию, и всегда, везде мы должны быть с народом, среди народа.

[3] «Анархисты» было ходячее слово в 1793 году. Так называли крайние партии, которые на деле совершали революцию в пользу бедных, на местах, преимущественно через посредство местных Народных Обществ.

———

II.
ЕЩЕ К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ.
М. Корн.

В виду того, что на съезде по этому вопросу было прочитано два доклада, то мы печатаем также и доклад тов. Корн. – Ред.

Кому из нас не приходилось задумываться над «роковой задачей» отношения теперешнего русского революционного движения к нашему экономическому и политическому идеалу? Кто не мучился над вопросом о том, каково в происходящей борьбе положение социалиста; каково, в особенности, положение анархиста? Трудный и сложный вопрос «политики» и «экономики» стал перед нами с самого начала нашей деятельности в России. Борьба, идущая у нас, – и экономическая, и политическая; но, если оставить в стороне крестьянство, среди которого нашим товарищам до сих пор работать почти не приходилось, то во всех остальных классах общества экономическая борьба отступает на задний план перед политической задачей свержения самодержавия.

Этой политической задаче служат даже такие по существу экономические движения, как рабочие стачки. На знамени же политического движения написаны конституция, учредительное собрание, республика и прочие лозунги, для анархиста *положительной* цены не имеющие. Бороться с самодержавием – прекрасно; но не значит ли это бороться вместе с тем за идеал «правового государства», идеал, лишённый для нас всякого обаяния? Как выйти из этого противоречивого положения?

Вот вопрос, который всегда ставили себе наши товарищи, и не находили на него такого ответа, который удовлетворил бы их потребность последовательной мысли и их потребность в активной борьбе.

Видя, как все силы массового рабочего движения уходят на чисто политические манифестации, как, в области экономической, самые крупные рабочие стачки не идут дальше требования ничтожных улучшений, как отодвигается на задний план социалистическая идея в деятельности крайних партий, наши товарищи прежде всего стали пытаться противодействовать такому понижению роли и размаха совершающейся революции. Но не впали ли они, по крайней мере в теории, в некоторую противоположную крайность, ставя *всякое* экономическое движение выше *всякого* политического? Если мы оглянемся на содержание нашей пропаганды в России, то не окажется ли, что мы, подчёркивая наше оппозиционное отношение к другим партиям, упустили из виду ту бесспорную, хотя, может быть, для некоторых и кажущуюся парадоксом истину, что анархисты, в сущности, – наиболее «политики» из

всех социалистов, так как для них освобождение личности от государственного ига играет не меньшую роль, чем её освобождение от гнёта экономического. Почему мы не миримся с идеалом социал-демократического государства, которое во всяком случае поднять уровень *экономического* благосостояния может? Именно потому, что мы – не чистые экономисты. Повсюду в западной Европе и Америке анархисты боролись с обеими формами угнетения: с капитализмом и государством. Рядом с революционными стачками и актами «экономического» террора мы находим в их деятельности такие яркие акты политического протеста, как убийство итальянского короля или испанского министра Кановаса. И никто, конечно, не скажет, что Анджолилло или Бреши были либералами и отдали свою жизнь ради достижения испанской или итальянской республики. Грядущая социальная революция – в представлении именно анархистов – не будет революцией чисто экономической: она начнёт с экономического акта, с экспроприации, но вместе с частной собственностью уничтожит и государство. Вот почему не нужно впадать в односторонность по отношению к происходящей политической революционной борьбе: эта борьба необходима не для того, чтобы современный строй заменился строем конституционным, а для того, чтобы рядом протестов против *наличной* государственной формы, против *наличного* гнёта сделать возможным восстание против *всякого* гнёта. Расширять эту борьбу до таких пределов, не давать ей успокоиться, не давать установиться не существующему ещё пока в России культу закона и легальности – дело анархистов. Ту часть этой работы, которая касалась критики грядущего парламентаризма, наши товарищи всё время вели и ведут в России; но это – не самая трудная часть. Это – начало, а затем ведь нужно показать, к какой освободительной борьбе **мы** призываем, и притом призываем сейчас; какова намеченная **нами** цель и каков наш план действий по пути к ней.

Упустить это из виду, сосредоточиться только на критической стороне задачи – в высшей степени опасно: можно вызвать разочарование в поставленных целях и принятых способах борьбы, не дав взамен их новых, и вместо того чтобы поднять революционный дух, вызвать, наоборот, упадок его.

Нужно сказать, что в этом отношении работа наших товарищей в России страшно трудна, хотя бы уже потому, что каждому приходится целиком продумать всё самому, и не только продумать, но и найти средства пропаганды. *Положительная* часть нашей программы для России до сих пор была разработана мало. Имеющаяся у нас литература носит почти исключительно теоретический характер и имеет целью ознакомление с основными идеями и целями анархизма. О практических путях и средствах борьбы в ней говорится, в виду этого, лишь в очень общей форме: постольку, поскольку это нужно для обрисовки практических выводов из известной принципиальной точки зрения. Наши западноевропейские товарищи в этом отношении находятся в лучших условиях: современное рабочее движение вызвало (особенно во Франции и в Испании) целую литературу о всеобщей стачке, рассматриваемой как начало социальной революции, и анархисты располагают для своей пропаганды целым рядом данных – брошюр, газетных статей, докладов на съездах – в которых разбираются те меры, которые предстоит принять рабочим в момент когда удачное революционное движение сделает их господами положения.

Было бы в высшей степени важно, если бы наши товарищи в России подумали о выработке такого рода практических программ, в соответствии с особенностями положения и момента, и чтобы при новом взрыве массового движения они не оказались лишь участниками, – может быть, более решительными, более непримиримыми, – борьбы вдохновляемой не их лозунгами, а могли бы внести в это движение и свою собственную мысль.

———

Мысль, что анархисты – лишь провозвестники будущего, время которого ещё не пришло, апостолы далекого от осуществления идеала – мысль очень распространённая среди лиц, сочувствующих анархизму. С кличкой мечтателей и утопистов мы всегда легко мирились и она нас нисколько не задевает. Но что серьезно глубокотрагично по существу, это – следы той же мысли у самих наших борцов.

Кому из нас не случалось слышать, как с болью, что не со слезами на глазах, говорится при вести о новых потерях, о новых казнях: «Ещё и ещё раз погибли лучшие товарищи, и всё какие ценные молодые жизни, какие чистые типы нравственной красоты! И подумать только, что всё это – пушечное мясо, что этими самоотверженными руками загребает жар одна только либеральная буржуазия! Если бы они погибали хоть для нашего идеала, если бы они хоть могли видеть, за что отдают свою жизнь!». И нужно заметить, что ни одного не остановило это, ни один не пожалел себя; везде и всегда анархисты оказывались там, где сильнее всего кипит борьба.

Остановимся однако на минуту, отвлечёмся от привычных, шаблонных, принятых мнений и спросим себя: действительно ли русская революция должна привести всего-навсего к господству либеральной буржуазии? Действительно ли мы переходим, согласно известной исторической теории, в ту самую стадию общественного развития, в которую сто лет тому назад перешла Франция?

Если стоять на фаталистической точке зрения ортодоксального марксизма, то, конечно, надо ответить утвердительно; но если мы от этой точки зрения отрешимся и постараемся рассуждать вне её, то что мы увидим? Русская революция совершается в момент, когда во всём человечестве идёт движение под знаменем социализма.

В продолжение всего XIX века вырабатывалась, на почве разочарования в экономических результатах французской революции, социалистическая идея. Она родилась в рабочих массах западной Европы, а оттуда перешла в Россию, сначала в передовую интеллигенцию, затем, по мере изменения общих экономических и культурных условий, и в рабочие массы.

В настоящее время русский рабочий стоит на уровне западноевропейского, и ни в своей жизни, ни в своих идеалах не воспроизводит того, чем был француз XVIII века, как и социализм русских социалистов не имеет ничего общего с идейными веяниями современников Великой Революции. Россия не была отделена китайской стеной от остального мира; она развивалась с ним вместе и не может, поэтому, повторять, повинуясь исторической схеме, то, что происходило в других странах 100 или даже 50 лет тому назад. Раз социализм встал, как цель, перед всем человечеством, Россия, как участница общего движения, не может сознательно отвернуться от него, не может остаться вне хода современной истории.

В России ставятся те же вопросы; те же, как и повсюду, задачи её движения. А раз задача поставлена – значит она осуществима; раз была возможность, была почва для её постановки, то, значит, есть возможность и для её проведения в жизнь.

Но это проведение в жизнь требует усилий людей; оно возможно, осуществимо в той мере, в какой эти усилия приложены; оно – не мечта, в той мере в какой сами деятели не считают его мечтой. Учесть шансы того или другого течения в революционное время ускоренного темпа жизни – более чем трудно, и лучше ошибиться в сторону переоценки своих сил, чем наоборот.

Излишней смелости мысли и дела быть не может, а недостаток их может быть очень вреден. Предоставим самой жизни урезать то, что окажется преждевременным или неприложимым; она всегда сделает это, более чем в достаточной мере. Наше дело – стремиться к достижению как можно более широко поставленных целей, к достижению нашего идеала *во всей его полноте*, а степень проведённого в жизнь будет соответствовать степени энергии нашей работы и нашей веры в победу. И как бы много разочарований ни встречало нас на пути, будем помнить великие слова Лаврова: «Побеждён лишь тот, кто признаёт себя побеждённым!».

———

III.
НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К КРЕСТЬЯНСКИМ И РАБОЧИМ СОЮЗАМ.

П. Кропоткина.

Среди рабочих всего мира происходит в настоящее время глубокое движение, с целью объединить рабочих различных ремёсел в обширные профессиональные союзы, и положить основы обширных международных организаций, охватывающих, как отдельные отрасли труда (углекопов, ткачей, грузчиков в доках и так далее), так и национальные федерации рабочих – *вне существующих политических партий, в том числе и социал-демократической*.

Стремление восстановить Международный Союз Рабочих, ведущий прямую, непосредственную борьбу труда против капитала – не через Парламент, а непосредственно, всеми доступными рабочим, и одним рабочим, средствами, проявляется в настоящую минуту с новой, поразительной силой.

Рабочие Западной Европы и Америки начинают замечать, что социальная революция, которой они ждали в конце 60-х годов и ради которой они основали Интернационал, отдаляется всё более и более, по мере того, как дело борьбы Труда с Капиталом переходит в руки политических партий, которых теория и практика ведут только к уничтожению революционной энергии пролетариев и, сохраняя имя «классовой борьбы», только приучают рабочих мириться с эксплуатацией капиталистами.

Рабочие Западной Европы понимают, кроме того, что при первой попытке установления будущего строя, – будь то в деревнях, среди крестьян, или в отдельном городе, или в области, объявивших коммуну, – дело организации коммунистической жизни и производства на общих началах непременно выпадет на долю рабочих союзов, которые одни могут взять на себя громадное дело перестройки промышленности в интересах всего общества.

Вследствие этого, как в Западной Европе, так и в Соединённых Штатах Америки усиливается с каждым годом движение, так называемое *синдикальное*, которое состоит в том, что рабочие сплачиваются между собою в профессиональные союзы, с целью *прямой борьбы*, *прямого воздействия* (*action directe*) против капитализма и капиталистов.

Понимая всю важность такого движения, часть наших западноевропейских товарищей-анархистов посвятили себя вполне, за последние 10–15 лет, этой организационной работе, и в настоящее время анархисты настолько заслужили

доверие объединённых в синдикаты товарищей рабочих, что в латинских странах – Франции, Испании, Французской Швейцарии и отчасти в Италии – они являются уже серьёзной революционной силой среди рабочих союзов[1].

В то время, как социал-демократы смотрят на рабочие профессиональные организации как на подспорье для политической борьбы, которую они ведут в парламентах *за власть*, анархисты смотрят на рабочие союзы как на ячейки будущего социального строя и как на могучее средство для подготовки такого общественного переворота, который не ограничивался бы одной переменой правления, а также перевернул бы современные формы хозяйственной жизни, то есть распределение производимых богатств и способов их производства.

Организация рабочих в профессиональные союзы ещё молода в России, но уже начинается серьёзное движение для образования обширных рабочих организаций, и рабочие уже успели доказать свою силу.

Что такое понимание сил рабочих союзов – верно, уже доказывает опыт Русской революции. Рабочее движение в январе 1905 года в Петербурге, всеобщие стачки в Польше в мае и всеобщая стачка в октябре того же года, и крестьянские восстания, начавшиеся с 1904 года, уже оказались более могучими силами в русской революции, они больше подвинули дело русской революции, чем все остальные силы вместе взятые.

При этом они поставили русское революционное *дело* на новое *основание*.

То, что уже достигнуто русской революцией, есть *дело* не той или другой политической партии. Оно – плод самопожертвования, прежде всего рабочих масс. И уже вследствие этого есть полное основание надеяться, что русская революция не ограничится простой переменой формы правления, а сделает хотя бы первые шаги на пути экспроприации земли и обобществления промышленного капитала.

Для пробуждения среди рабочих и крестьян понимания их собственной силы, их решающего голоса в революции, и того, чего они могут достигнуть в своих интересах, – русские анархисты, если они поймут эту свою задачу, могут оказать громадную пользу.

С созывом Думы, в которой собираются принять деятельное участие державшиеся до сих пор революционной тактики русские социал-демократы и социалисты-революционеры, революционные силы начнут всё более и более отвлекаться на созидание буржуазно-конституционного строя. И тут рабочим и крестьянским организациям предстоит выступить, как сила, борющаяся за свои рабочие права и в виду достижения каких-нибудь действительных экономических результатов от теперешней революции.

Только то, что крестьянам и рабочим удастся осуществить теперь, во время революции – прямым действием, а не через парламент, – только то и будет достигнуто русской революцией.

В виду этого на русских анархистах лежит великая обязанность. Пора теоретических рассуждений в отдельных маленьких группах прошла. Мы выработали свои

[1] Что предыдущие слова были верны — доказал французский конгресс рабочих в Амьене, на котором решения, предложенные социал-демократами, были забаллотированы невероятным большинством, а решения, предложенные анархистами, были приняты почти единогласно. – Ред.

идеалы и цели, мы сложились, как люди, воодушевлённые общей целью и согласившиеся в общих чертах относительно способов действия. Но жизнь быстро идёт вперёд и требует от нас большего: гораздо большего даже, чем отдельные акты героизма в борьбе с капитализмом и его защитниками в правительстве. Она требует от нас деятельного вмешательства в жизнь крестьянских и рабочих масс.

Нам говорят иногда, что городских рабочих организуют социал-демократы, а крестьян организуют социалисты-революционеры. Но помимо того, что и та и другая партия захватили лишь незначительную часть рабочих и крестьянских масс – первые по преимуществу среди рабочих в западной полосе России, а вторые среди крестьян в некоторых лишь губерниях России, – и что громаднейшие массы рабочих, как в Петербурге, так и в Москве, сорганизовались независимо от той или другой партии, – нужно помнить, что и те и другие организации имеют в виду особые цели. Как только в России утвердится народное представительство на более широких началах, они намерены окунуться в парламентскую деятельность. А это будет смертью революции, *если крестьяне и рабочие дадут себя уговорить в том, чтобы ожидать изменения общих экономических условий от Парламента, а не от своих собственных действий*.

Обязанность анархистов – быть среди рабочих и не давать политическим партиям эксплуатировать рабочее движение в пользу парламентского постепеновства. Им предстоит – проводить в рабочую среду революционную мысль, с тем чтобы из крестьянских и рабочих союзов создать силу, которая могла бы сама приступить, на деле и на месте, к планомерной массовой экспроприации.

На практике перед анархистами выступает всегда вопрос: вступать ли в рабочие союзы, уже существующие, или же стремиться создавать новые синдикаты анархического характера?

Наши западноевропейские товарищи не проводят никакой определённой программы в этом отношении, и в каждом отдельном случае руководятся данными места и времени, а также личными склонностями каждого из них. Некоторым товарищам удавалось создавать в Испании и во Франции, и даже в Лондоне, синдикаты, которые хотя и не включали значительных масс рабочих данного ремесла, а ограничивались лишь небольшим числом их, – оказывали однако своим почином и активной деятельностью глубокое влияние на всех рабочих своего ремесла. Находясь всегда впереди, во всякой стачке, и выказывая организаторские способности, им удавалось приобретать серьёзное влияние в своей среде и даже в федерациях синдикатов.

Другие вступали в существующие рабочие союзы и вскоре приобретали в них такое влияние, что становились вдохновителями своих товарищей по ремеслу, отвлекая их от политиканов, постоянно стремящихся наложить руку на ремесло, и вносили в рабочую среду революционную мысль.

Третьи, наконец, и это было большинство, в особенности в Испании, оставаясь членами анархических групп, работали над основанием беспартийных рабочих союзов и, заслужив доверие товарищей по ремеслу, достигали того, что эти рабочие союзы шли рука об руку с анархистами, поручали ведение своих профессиональных газет анархистам и, как показал опыт, оставались заодно с анархистами даже в такие минуты, когда преследования правительства доходили до крайних пределов.

Мы думаем, что не следует применять по этому вопросу резко определённого решения раз и навсегда. Одно только можно сказать, что если рабочий союз требует

от своих членов признания социал-демократической программы, то тут анархисту, конечно, делать нечего, и ему приходится основывать новые, хотя и меньшие, свободные рабочие союзы того же ремесла.

Анархист, проникнутый сознанием, что рабочие союзы представляют собой силу будущей организации, а в настоящее революционное время уже заявили себя силой революционной, обыкновенно сам найдёт, в связи с товарищами, ту форму деятельности среди рабочих союзов, которая наиболее согласна с его складом ума и темпераментом. Ему следует только никогда не терять из вида, что рабочие союзы не должны никогда быть орудием политических парламентских партий; что их назначение – *прямая борьба* с капиталом и его охранителями в государстве, а не компромисс с ними в Парламенте. Их цель не замазывать отношений между эксплуататорами-капиталистами и рабочими путём фиктивных уступок, а *стремиться к уничтожению капитализма* и к реорганизации политической жизни на основах соглашения между вольными рабочими союзами.

Имея эти цели всегда в виду – не для введения только в первые теоретические пункты программы, а для проведения в самой жизни, – анархисты, работающие в синдикатах, никогда не рискуют затеряться в них и обратиться в орудие политических буржуазных партий.

———

IV.
О ТЕРРОРЕ.
Вл. Забрежнева.

Вот уже второй год кровь широким потоком усиленно льётся по всему необъятному пространству многострадальной России. Расстрелы по суду и без суда, погромы, карательные экспедиции, наглое, открытое поощрение черносотенного слова и дела – с одной стороны; смелые нападения, вооружённые восстания, акты мести и самозащиты, беззаветное самопожертвование и героизм – с другой. В результате сотни, тысячи жертв.

Жизнь человеческая обесценилась; «террор» вышел за пределы узкого круга людей, всецело посвятивших себя делу освобождения. В эти дни кровавого ужаса он перестал быть достоянием одних активных революционеров, подвергающихся специальным преследованиям правительства. Жизнь для всех, кроме изуверов существующего строя, стала невыносимой, и не только те революционеры, которые ещё так недавно принципиально отвергали террор, сами стали террористами, но даже люди посторонние революции и социализму понимают террористические акты и сочувствуют им.

Но не всегда и не для всех неизбежность и влияние актов активного протеста против опор существующего строя бывает так очевидна, как они стали теперь, благодаря слишком уж откровенной разнузданности правительственных неистовств. В так называемое мирное время, когда весь гнёт государственного и капиталистического устройства обрушивается всей своей тяжестью исключительно на трудящиеся массы, среди прогрессивно настроенных слоёв общества нередко встречается не только отрицательное отношение к активной борьбе с ним, но и резкие порицания её.

Нужды нет, что в это «мирное» время число жертв от хронического недоедания, от изнурительного непосильного труда, «несчастных случаев» при работе и прочих ужасов капиталистического строя превосходит во много раз количество жертв от самой кровопролитной войны, от самой ожесточённой революционной борьбы. Жертвы эти в глаза не бросаются, крови их не видно, стонов не слышно.

В «мирное» время даже некоторые социалистические партии особенно восстают против таких бунтовских актов, нарушающих спокойное течение жизни, и усиленно стараются уверить трудящиеся массы в благодетельности результатов «естественного хода событий».

Под такой тактикой скрываются тайные помыслы о вступлении в законное русло. Буржуазия, бывшая в своё время партией «революционной», *успокоилась*, достигнув власти и силы, – точно так же, как и социалисты-государственники «свободных»

стран, вступившие в прочный союз со своими теоретическими противниками. Те и другие теперь первые враги террора.

Но все революционные партии, покуда они остаются революционными, самым фактом своего нелегального существования вынуждены бывают, как показывает история, прибегать к террору, – по крайней мере в целях самозащиты, – хотя бы теоретически они и оспаривали целесообразность его.

Да иначе и быть не могло бы. Революционеры всегда преследуются представителями господствующей власти, и нередко преследования эти переходят границы терпения самых мирно настроенных революционеров. Вспомним, как Желябов объяснял на суде переход к террору русской социально-революционной партии:

«Если вы, господа судьи, – говорил он, – взглянете в отчёты о политических процессах, в эту открытую книгу бытия, то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами; что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виной». (Процесс 1-го марта 1881 года)

С особенной силой необходимость актов самозащиты и мести всегда тяготела и тяготеет над анархистами.

Анархическое мировоззрение резко враждебно самым основам всякого государства, власти и частной собственности на землю и орудия труда, и всему вытекающему отсюда положению вещей. Относясь скептически к реформам, отрицая сотрудничество и какие бы то ни было компромиссы с правящими классами, анархисты нигде, даже в самых демократических республиках, даже в гипотетическом коллективистском государстве социал-демократов, не могут перестать быть революционерами.

И во всех существующих государствах простая пропаганда идей анархизма вызывает жестокие преследования[1]. У всех ещё на памяти убийства и пытки анархистов в Монжуикской крепости (в Испании), повлёкшие за собой убийство министра Кановаса, а также последующие злодейства испанского правительства, послужившие причиной покушений на министра Маура и на Альфонса XIII-го.

Кроме того, наряду с явными, исключительными законами в демократических республиках – Франции, Швейцарии и Соединённых Штатов, повсюду существуют ещё тайные.

Наконец, неистовства русского правительства по отношению к анархистам (например, в Варшаве) выделяются даже на фоне общего кошмарного ужаса наших дней.

Итак, террор оборонительный является неизбежным спутником всякой революционной партии, в том числе и анархической.

Но, будучи последовательными, понимая сущность, причины и последствия гнёта, лежащего на плечах обездоленных, коммунисты-анархисты не могут реагировать только на прямые враждебные действия правительств по отношению к ним. Существующий строй непрерывно давит на трудящиеся массы, лишая их возможности человеческой жизни, неуклонно толкая их в преждевременную могилу, и его давление

[1] Относительно будущего, социал-демократического государства, имеется много угроз, вроде слов социал-демократического депутата Шовэна: «Когда мы захватим власть, первой нашей задачей будет расстрелять анархистов».

всегда стремится возрастать и усиливаться при отсутствии отпора. Необходимость этого отпора анархисты сознают, и не упускают по мере возможности осуществлять его. Они не смотрят на этот отпор как на средство победить существующий строй. Они знают, что победа может быть достигнута лишь дружным, активным выступлением самих масс. Но отдельные акты в интересах народа могут способствовать пробуждению активности его, подъёму духа в нём, могут приблизить его к революции.

Вот почему коммунисты-анархисты признают агитационное значение и пользу для освободительного дела за такими личными и коллективными актами протеста и высказывают это устно и печатно.

Ниже мы разберём на отдельных примерах из истории террористической борьбы, какие акты, совершённые различными партиями, давали положительные результаты.

Теперь же отметим ещё, что хотя коммунисты-анархисты и признают террористическую борьбу, но террор вовсе не связан *органически* с сущностью анархического мировоззрения и не вытекает из него. Напротив того, нет другого мировоззрения, более проникнутого любовью не к отвлечённому человечеству, а к живому человеку, ко всем людям. И только понимание сущности современного строя, основанного на насилии, самый этот строй, его проявления, сущность государства, этой машины, основанной на насилии во имя насилия, вынуждают анархистов бороться с ним насилием.

Это не мешает нашим противникам почти всегда отождествлять анархизм с терроризмом. Они стараются даже подменить всё содержание анархической пропаганды, представляя её призывом к бессмысленным жестокостям – безграничной и беспричинной жаждой крови. Одни делают это, чтобы оправдать применение к анархистам, даже и без всякого видимого повода, за одно то, что они анархисты, самых суровых мер; другие, чтобы помешать распространению анархизма, чтобы оттолкнуть от знакомства с ним.

Эти нелепые измышления лучше всего, конечно, опровергаются серьёзным знакомством с идеями анархизма и анархическим движением. Но что до всего этого недобросовестным врагам!

Напрасно анархисты Шпис, Шваб и Фишер, судившиеся в Чикаго в 1887 году, разъясняли на суде, что «анархизм вовсе не означает: кровопролитие, грабёж, кинжалы, яд и тому подобное. Всё это ужасные принадлежности и характерные признаки современного капиталистического строя. Анархизм означает: мир и довольство для всех. Анархисты с удовольствием отказались бы от всякого насилия. В современном строе насилие практикуется всеми, мы же советуем угнетённым употребление насилия против насилия и только против насилия, как необходимое средство защиты». (См. их процесс).

Все эти заявления (как и многие другие, печатные и устные) не помешали однако заинтересованным партиям уверять, что «анархизм – голое насилие, а буржуазное общество – „мир и порядок“», и это даже несмотря на то, что американские буржуазные газеты того времени писали например следующее:

«На этих скотов (стачечников), – писала Нью-Йоркская *Tribune*, – ничем, кроме силы, не подействуешь, а потому им надо дать такой урок, чтобы они не забыли его в продолжение нескольких поколений».

«Бомбы надо бросать в толпу стачечников, стремящихся повысить заработную плату и уменьшить рабочий день; таким образом и они будут проучены, да и на других пример подействует», – проповедовал Чикагский *Times*.

«Лучшее средство против голодающих безработных, это – класть им в пищу мышьяк». Вот до чего договорился Чикагский *Times*.

Предоставим же такого сорта «идейных противников» самим себе и напомним лишь, что акты даже тех товарищей, которые переоценивали боевое значение террора, всегда в сущности бывали вызваны реальными поводами со стороны правящих и господствующих. Эти акты сводились к мести и самозащите личной или классовой.

Вот перед нами целый ряд актов «эры динамита» во Франции, открывшейся выступлением Равашоля.

11 марта 1892 года он подложил бомбу на лестнице председателя Парижского суда Бенуа, а 27 марта того же года он сделал то же в доме прокурора Бюло, то есть в домах тех самых судейских, благодаря стараниям которых был вынесен очень суровый приговор по делу анархистов Декампа, Дардара и Левайеля[2].

Взрыв казарм Лобо объясняется негодованием на покорность, с которой войска шли на усмирение рабочих. Взрыв ресторана Вери, накануне суда над Равашолем, был ответом на выдачу Равашоля служащим этого ресторана.

Бомба Вальяна была брошена в Палату депутатов, только что проявившую свою подкупность в Панамских мошенничествах.

Вотированные этой же Палатой (при участии «социалистических» депутатов) исключительные законы против анархистов и свирепые преследования анархистов на основании их повели к взрыву 13 февраля 1894 года (через неделю после казни Вальяна) в богатом кафе «Терминус». Автор взрыва, Эмиль Анри, мотивировал свой акт, между прочим, тем, что он желал поразить безымянную толпу-стадо, своим одобрением поддержавшую подлые законы своих выборных.

«Массы лиц, – говорил Анри на суде в свою защиту, – массы лиц, взятых наугад, были насильно отняты у своих семейств и брошены в тюрьму. Что делалось с жёнами и детьми этих товарищей во время их заключения? Никто, конечно, этим не интересовался. Анархист перестал считаться человеком, это был зверь, которого травили со всех сторон, и буржуазная пресса на все лады требовала его уничтожения…

Буржуазия не делала различия между анархистами, – продолжал он; один из них – Вальян – бросил бомбу и, хотя девять десятых из его товарищей не знали о его планах, тем не менее преследованию подвергались все, кто только имел какое-нибудь отношение к анархизму. Что же! если вы делаете целую партию ответственной за

[2] Товарищи эти во время первомайской демонстрации в 1901 году в местечке Леваллуа-Перре, близ Парижа (в то самое время, как в другом месте Франции, в Фурми, республиканским правительством впервые были испробованы ружья новой системы Лебель, оказавшие, по словам официального отчета, «прекрасные результаты», положив на месте много рабочих, женщин и детей) оказали вооруженное сопротивление грубо разгонявшим толпу полицейским. Их изранили, жестоко избили и в течении двух суток не давали воды не только для питья, но даже для промывки неперевязанных ран

действия одного из её членов, если вы бьёте огулом всех – мы будем делать то же самое!..»

Наконец Казерио убил президента французской республики Карно, отказавшегося заменить смертный приговор Вальяну каторгой, несмотря на заступничество значительной части прессы, в виду того, что его бомба никого не убила, и что во Франции никогда не казнят за *покушение*, если не было действительной жертвы.

Мы упомянули для примера лишь о наиболее крупных актах этой «эры динамита» для того только чтобы показать, что в основе их лежали реальные проявления гнёта современного строя. Точно также обстояло дело и с другими актами анархистов.

Но не все они имели положительные результаты. Часть их дала лишь исход личному чувству негодования и возмущения, которое совершившие эти акты не в силах были больше сдерживать. Правда, временно они насмерть перепугали буржуазию, но масс они не увлекли за собой, и даже вызвали отрицательное отношение к ним со стороны рабочих, не затронутых пропагандой и не понявших этой борьбы анархистов за существование.

Прекращение «эры динамита» выясняется, таким образом, вовсе не репрессиями, которые никогда не устрашают идейных борцов, а тем, что французские товарищи убедились в бесплодности тактики систематического террора и недостаточности его для пропаганды своих идей[3].

Для революционеров, имеющих определённое мировоззрение и борющихся за определённые идеалы, каковы коммунисты-анархисты, это далеко не второстепенный вопрос. Далеко не все террористические акты для них равнозначны. Для них имеют значение лишь те акты, которые понятны массам, заслуживают одобрения масс, и тем способствуют пробуждению революционного духа, распространению идей. Анархисты вовсе не думают облагодетельствовать народ сверху. Стремясь к социальной революции, они знают, что такая революция возможна лишь при условии деятельного участия самих масс и стараются прежде всего пробудить в них сознание важности этой революции, понимание необходимости выступления самих масс, и подвинуть их к этому примером личной самоотверженности и героизма.

Случается, что акты партийной самозащиты или мести, будучи вызваны деяниями, возмущающими всех, знающих о них, совпадают с общим настроением. Тогда они имеют большое агитационное значение.

Таковы покушения на испанского министра Маура, который, спасшись от мстительной руки анархиста, был встречен толпой градом камней и свистками.

Таково убийство тамбовского губернатора Луженовского. Впечатление, произведённое этим актом на тамбовских крестьян, прекрасно выражается их молитвами «о здравии болящей Марии». Убийства Абрамова и Жданова, – инквизиторов Спиридоновой – равно как и Сахарова, саратовского сатрапа, отвечали затаенным мыслям всех, в ком шевелится малейшее чувство порядочности.

[3] Мужество и идейная преданность деятелей этой эпохи доказаны многими из них. Даже в каторге они не переставали протестовать против произвола, и многие из них были убиты там солдатами за «бунты» или, как 18-летний Симон Бисквит, за громогласный протест против смертной казни участников возмущения в колонии.

У всех ещё свежо в памяти убийство Плеве, которому не радоваться не могли себя заставить даже принципиальные противники террора, точно также, как и убийство Сергея, одного из главных виновников январской бойни.

Убийство Богдановича (Уфимского губернатора) считалось неизбежным и с нетерпением ожидалось всеми златоустовскими рабочими, после произведённого им расстрела стачечников, подобно тому, как убийство Мина ожидалось во всей России.

Вспомним, наконец, покушение Гирша Леккерта на Валя, после сечения виленских рабочих, и экзекуцию над доктором Михайловым (врач, присутствовавший при сечении; ныне, по признанию Лопухина в письме к Столыпину, состоящий на жалованьи у департамента полиции) – которые дали такое же удовлетворение всем знавшим об этом, как в своё время выстрел Веры Засулич в Трепова-отца.

В тесных пределах отдельных местностей равнозначными являются устранения местных угнетателей-полицейских, шпионов, хозяев, мастеров.

Хроника борьбы русских рабочих и крестьян со своими эксплуататорами, акты, так называемого «экономического» террора у всех перед глазами. Но напомним один характерный эпизод из жизни «свободной» Франции.

На копях компании в Деказвиле, президентом которой состоял «великий экономист» Леон Сэй, рабочие, выведенные из терпения притеснениями и понижением платы, объявили стачку 26 января 1886 года. Понижение это было вызвано не плохими делами компании, а личным усердием помощника директора Ватрэна, давно уже ненавидимого рабочими, которому компания обещала 5 процентов с достигнутого им сокращения расходов на заработную плату. В числе требований, очень умеренных, была и отставка Ватрэна. Ватрэн, разумеется, отказался принять их и забаррикадировался в конторе. Толпа выломала дверь и, избив его до смерти палками, выбросила труп в окно.

Что представлял из себя Ватрэн, видно из того, что даже буржуазия говорила, что не теперь, так через несколько лет, такой конец для него был бы неизбежен, а газеты напечатали слова бывшего местного префекта, ещё за пять лет до того предсказывавшего взрыв ненависти рабочих.

Впечатление, произведённое этим возмущением на французских рабочих и фабрикантов, было грандиозное, тем более, что здесь рабочие *сами* явились своими мстителями.

Мы могли бы привести много подобных фактов из хроники борьбы рабочих Америки, Англии, Италии и других стран. Но довольно и этого примера.

Все приведённые и подобные им террористические акты, индивидуальные и, особенно, коллективные, имели самое положительное значение, потому что, отвечая затаенному желанию населения более или менее обширного пространства, они были понятны ему, выражали это настроение. Давая исход личному чувству возмущения, они удовлетворяли и требования возмущённой совести тех, у кого она имеется, и особенно – непосредственно терпевших от устранённого негодяя.

Они поднимали дух терпеливых и покорных дотоле жертв, подрывая в массах веру в могущество политических или экономических эксплуататоров.

Как, казалось, охраняем был Плеве или Сергей! как недостижим был Сипягин, грозивший кровью залить улицы городов, где произойдут демонстрации!… И вот,

несмотря на всевозможные охраны, несмотря на все их ухищрения, они поражены рукой революционера. Здесь действительно есть о чём пораздумать.

Акты такого рода будят большинство; в предреволюционное время они могут повести к началу активного выступления масс.

Но рядом с этим, другие акты, имеющие громадное значение для непосредственно заинтересованных в них, или являющиеся продуктом исключительно повышенного психологического настроения совершающих их, проходят совершенно бесследно для масс, для революционного дела, или приводят даже к результатам, противоположным тем, которые ожидались, и ими пользуются противники в своих целях. А между тем за жизнь или даже за простой испуг какого-нибудь негодяя гибнут честные самоотверженные люди, гибнут силы, которые, иначе использованные, могли бы принести громадную пользу делу революции.

Приведём для примера хоть рабочего Лотье, заколовшего кинжалом в кафе (в Париже) одного буржуа, с орденской лентой в петлице, предполагая в нём особенно вредного активного паразита. Жертва оказалась сербским посланником (Георгиевич), не имевшим за собой другой вины, кроме принадлежности к паразитному слою общества, – слишком обширному, чтобы его можно было уничтожить путём убийств его отдельных представителей.

Лет десять тому назад, потерявший работу рабочий Андреев пырнул ножом на музыке в Павловске (аристократическая дачная местность близ Петербурга) одного генерала, – самого обыкновенного генерала, ничем особенно не замечательного, каких тысячи в российской армии.

Наконец убийство Луккени австрийской императрицы Елизаветы произвело на массы самое отрицательное впечатление. Луккени поразил её, как одну из представительниц власти и капитал имущих. Можно представить себе психологию сына народа, всю жизнь видевшего вокруг себя отчаянную нищету, голод, преждевременную безотрадную старость и массовую смерть детей пролетариев; гибель своих близких и постыдное унижение; вынужденную ради куска хлеба проституцию дочерей и сестёр тех самых людей, которые тяжёлым трудом создают богатства подлых паразитов, покупающих человеческое тело, – можно понять психологию сына народа при виде этой коронованной женщины, утопавшей в роскоши.

Но широкие массы не могли понять его психологии. В их глазах, как и в глазах не испытавших на себе весь ужас безысходного положения обездоленного люда, совершено было убийство беззащитной женщины, не сделавшей сознательно никакого особенного зла.

Поэтому такие акты, непонятные сами по себе, требующие для уяснения цели и значения их массам длинных объяснений и сложной мотивировки, являются по нашему мнению напрасной тратой сил и бесполезной потерей жизней.

Точно также и террор, возведённый в систему, террор, в котором видят *средство* для изменения существующего строя, поглощающий лучшие силы партий, практикующих его, и быстро ведущий к разгрому их – по нашему мнению бесплоден.

Если и можно систематическим террором запугать правительство или господствующий класс и вырвать у них кое-какие уступки, то лишь временно, до тех пор пока они сами преувеличивают силы противника. Когда же они убеждаются, что за

боевым отрядом не стоят массы, солидарные с деятельностью его, когда они видят, что некому и нечем отстоять и удержать достигнутое, – реакция не знает удержу.

Героический поединок Исполнительного Комитета партии Народной Воли с самодержавием служит одним из примеров, подтверждающих наше мнение.

К тому же, действительно *всеустрашающего* характера террор революционеров и не может иметь. Проведение террора, не останавливающегося ни перед чем, лишь бы запугать и ослабить врага, террора не разбирающего ни количества жертв, ни правых, ни виновных, не может практиковаться революционерами, воодушевлёнными идеями всеобщего счастья; его могут практиковать лишь организованные банды правительств, существующих или утверждающихся вновь.

К нему способны прибегать лишь тёмные силы реакции, как это было в 1805-1820, в 1852 и 1871 годах во Франции, в сороковых годах в Австрии, Италии и так далее.

Все эти массовые убийства, совершаемые правительствами, погромы, карательные экспедиции, полевые суды и тому подобное – не средства борьбы революционеров и народа.

Революционеры, сторонники освободительного движения, являются всегда носителями принципа справедливости, высшей, чем та, которую признаёт какое-либо правительство, защищающее всегда интересы привилегированных.

Правительственные агенты – генералы Меллеры-Закомельские, Ренненкампфы, Скалоны, Мины и тому подобные подвергают бомбардировке и поджигают целые селения, по подозрению в укрывательстве революционеров или оружия, заливают улицы городов кровью, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей, возят с собой «заложников», как гарантию своей безнаказанности со стороны населения, и казнят их, даже в поездах.

А революционер, как Каляев, рискуя успехом дела и напрасной своей гибелью, удерживается от бросания бомбы, чтобы не пострадала княгиня или княжеские дети, или, как наш товарищ в Екатеринославе, прекращает стрельбу в ненавистного предателя-директора фабрики Эзау, чтобы не поранить жену его; как Карпович, наконец, упускает самые удобные положения врага, чтобы не попасть в посторонних.

Всегда, если есть хоть какая-нибудь возможность, революционеры избегают напрасных жертв.

И такое их поведение придаёт гораздо большее значение их актам, чем простое устранение негодяев, которые легко могут быть заменены другими.

Их самопожертвование, их смелость и преданность делу производят несравненно большее впечатление на массы, чем непосредственные результаты их актов, и больше способствуют идейной пропаганде.

Революционеры не могут быть сторонниками массовых избиений врага – правительственных чиновников, солдат и тому подобное без разбора[4].

И если *в пылу битвы* им и приходится убивать солдат и нижних полицейских, революционеры всегда имеют в виду, что лишь немногие из этих врагов заинтересованы в своём ремесле.

[4] Особенно теперь, когда государства захватили в свои руки многие области народного хозяйства (пути сообщения, почта, телеграф, табачное и водочное, банковское дело), и громадное большинство лиц, занятых в них и считающихся «правительственными чиновниками», на самом деле эксплуатируются государством не меньше, чем частными капиталистами.

Большая же часть их является слепым орудием в руках власть и капитал имущих. Забираемые силой, или толкаемые нуждой, находящиеся постоянно под угрозой особенно суровых кар, они сохраняют интересы, общие с народом, легко поддаются революционной пропаганде и окажут со временем решающее влияние на исход революционной борьбы.

Народ, взятый в массе, всегда великодушен. Даже в эпохи обострённой, открытой борьбы он не бывает ни кровожаден, ни жесток. Чрезмерная жестокость, даже по отношению к заклятым врагам, отталкивает его. И если взрывы его святой мести бывают порой ужасны – зато история показывает, как бесконечно ничтожно число жертв со стороны врага при народных восстаниях в сравнении с числом жертв из среды самого народа. Правительства же жестоки не только при борьбе, но и при победе, и даже при победе особенно. Версальцы, например, в течение одной недели уничтожили 30.000 человек, многих – уже после подавления восстания. Для народа победа его – это великое всеобщее отпущение грехов, освобождение и братское объединение всех людей.

Из всего сказанного ясно наше отношение к различным видам террора. Главным критерием полезности или ненужности акта является, по нашему мнению, впечатление, которое он производит на массы, его значение для приближения революции.

Само собой разумеется, что такого рода акты, как нападения на первого встречного буржуа или агента правительства, поджоги или взрывы кафе, театров и тому подобное совершенно не являются логическим выводом из анархического мировоззрения, и объяснения их надо искать в психологии совершающих их.

Свидетельствуя о безысходном отчаянии и о полной безнадёжности, они вызываются всей совокупностью ненормальных общественных условий.

Те самые причины, которые пассивную натуру приводят к самоубийству, натуру активную заставляют мстить первому попавшемуся «счастливцу», порой очень плохо выбранному, за муки капиталистического и государственного ада.

Распространение такого рода актов может быть лишь вредно делу социальной революции, отвлекая людей преданных и идейных от положительной работы сплочения трудящихся масс, которые одни могут иметь решающее значение на исход революционной борьбы и привести к торжеству идеала анархического коммунизма.

Специально анархическую окраску террористические акты могут иметь не по тому, на что или против кого они направлены, но по тому *как* они осуществлены.

В этом деле, влекущем за собой громадный личный риск непосредственных участников его, ещё менее, чем в каком бы то ни было другом, может быть допустим принцип централизма.

Оно может быть лишь результатом личной инициативы, личной решимости и риска, личной ответственности выполнителей его, и с нашей точки зрения не нуждается ни в какой санкции, ни в каком указании и приглашении со стороны, хотя бы и единомышленников, но не принимающих самого близкого участия в нём.

Самому духу анархизма противны «приговоры», «суды», «казни» и тому подобные буржуазные пережитки в революционно-социалистических партиях.

Вынужденные условиями нелегального существования прибегать к террористическим актам, анархисты не «судят», не «казнят»: они защищаются или мстят.

Они не возводят терроризм в принцип, а смотрят на него как на крайне тяжёлую, но, к сожалению, при наличности классового и государственного гнёта неизбежную принадлежность партии, активно борющейся за лучшее будущее для всего человечества.

В этом будущем строе при отсутствии всякого угнетения человека человеком, обществом и государством, сделается ненужным и насильственное противодействие им.

———

V.
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ.
М. Корн.

Анархистов чаще всего упрекают в том, что они не признают организации. Основан, однако, этот упрёк на совершенно ложном представлении о том, что такое анархизм, и что такое организация. Дело представляется обыкновенно так, что анархизм – это хаос, беспорядок, вражда каждого против всех, тогда как организация – это гармония, поддерживаемая строгой дисциплиной, подчиняющей волю массы воле немногих избранных.

Такое узкое понимание слова «организация», а также и незнакомство с основными принципами анархизма привели к тому, что по этому вопросу – особенно у нас, в России, где организационные вопросы, в силу конспиративных условий, приобретают особенную важность – создалась целая масса предрассудков, ещё более глубоких и укоренившихся, чем по вопросам политики или экономики.

Что такое организация? – Всякое человеческое общество организовано известным образом, и чем сложнее его культура, чем разнообразнее его потребности, тем более стремится оно к типу организации, которая представляла бы одновременный рост **общественной солидарности** и **индивидуального развития** составляющих общество единиц. Общественная связь людей, лишённых чувства независимости и личной инициативы, может быть только связью между стадом рабов и управляющим ими господином. С другой стороны, и развитие индивидуальности немыслимо без одновременного развития общественных, солидарных чувств. Что бы ни говорили нищенствующие аристократы и индивидуалисты, свободный, высокоразвитый человек не может мириться с общественным угнетением, не может жить в обществе рабском. Если его удовлетворяет то, что он лично стоит выше окружающих, то его развитие – однобокое; в нём остались неразвитыми лучшие человеческие чувства – справедливости, симпатии, солидарности. Вот почему стремление к полному развитию человеческой личности приводит нас к признанию наиболее полной формы общественной солидарности. Мы – коммунисты **не вопреки** тому, что мы анархисты, а именно **в силу этого**.

Не разбирая здесь коммунизма вообще, заметим только, что общее владение орудиями производства и общее пользование продуктами труда неизбежно требует и соответственной формы общественной организации, и здесь вопрос экономический тесно связан с вопросом политическим. Наш политический идеал известен: это – свободный союз независимых общин, производительных и других групп, ассоциаций, федераций. Но это уже составляет известную форму организации, и притом форму, развивающую в людях большую солидарность, более полное отождествление

своих интересов с интересами общественными, чем какая бы то ни было другая. Эту-то *свободную*, *добровольную* организацию – это *вольное соглашение* мы и противополагаем всякой организации принудительной, иерархической, и считаем, что она должна быть идеальным союзом теснее и прочнее.

———

Пока речь идёт только об общественном «идеале», с нами ещё, пожалуй, соглашаются: «идеал» – дело далекое, и в мечтах можно, конечно, позволить себе залетать куда угодно, раз это ни к чему не обязывает *сейчас*. Но в том-то и дело, что известный общественный идеал *обязывает сейчас*, и для последовательного человека не может быть раздвоения; одно – в идеале, другое, совершенно противоположное – на практике. Предвидят исчезновение государства не только анархисты, но и социал-демократы: известную фразу Энгельса на этот счёт не стоит повторять. Разница только в том, что Энгельс говорит, что государство не будет уничтожено, а само уничтожится; мы же, не желая рассчитывать на это «само», находим, что должны приложить свои силы для ускорения этого уничтожения. Разница ещё в том, что, предвидя уничтожение государства в будущем, социал-демократы делают в настоящем всё для усиления и распространения принципа государственности, предоставляя выпутаться из этого положения людям того момента, когда произойдёт «скачок из царства необходимости в царство свободы» и сильное государство перейдёт в свою противоположность, то есть в полное отсутствие оного. Мы же не рассчитываем на подобное диалектическое волшебство и считаем, что вернее всего будет позаботиться о своих делах заблаговременно. «На Бога надейся, а сам не плошай».

Находя вредным всякое принуждение, всякую власть в будущем, мы, поэтому, делаем уже в настоящем всё возможное, чтобы подорвать её. Вот почему мы исключаем всякий централизаторский элемент из наших партийных организаций.

———

Понятие партии нам далеко не чуждо, как думают многие. Но мы понимаем под партией не совокупность людей, объединённых под властью одного центрального комитета, а совокупность всех тех, кто ставит себе одну и ту же цель и стремится к ней однохарактерными путями. В этом смысле анархисты представляют собой партию, и притом партию *всемирную*; мы можем даже сказать, что редко в какой партии единство цели так велико, и разногласий в этом отношении так мало.

Что касается средств, то они, конечно, меняются в зависимости от времени и условий: в одной стране анархисты могут ставить на первое место террористическую партизанскую борьбу, в другой – работу в профессиональных союзах, в третьей – теоретическую пропаганду в партийных группах; но все эти приёмы деятельности не противоречат один другому, а только дополняют друг друга. Отсутствие программы-минимум, которая могла бы служить источником разделений, и полное согласие относительно цели создают единство, которого нельзя достигнуть никакими искусственными мерами.

Вот почему мы говорим об анархической партии, единой во всём мире. На практике между анархистами одной и той же страны, одного и того же языка устанавливается, конечно, ещё более тесная связь, и в этом, более тесном, смысле мы опять-таки можем говорить об «анархической партии» в России, во Франции, в Испании и так далее.

Как же представляем мы себе такую партию в последнем, более узком смысле, то есть в смысле людей, связанных не только общностью идеи, но и практическими сношениями?

В основе её лежит *группа* – многочисленная или малочисленная, местная или даже состоящая из членов, живущих в разных городах. Группы многочисленные обыкновенно удобны только при пропаганде массовой и открытой, при которой людям нет особенной надобности близко знать друг друга. Но вести какую бы то ни было *практическую* работу, особенно работу конспиративную, в них, очевидно, невозможно. Партии централизаторского типа обходят это затруднение тем, что создают внутри группы комитет, ведающий более конспиративные дела и вообще играющий руководящую роль. Мы же отвечаем на этот вопрос иначе. Мы считаем, что та же цель достигается гораздо лучше созданием большого числа мелких групп, члены которых хорошо знают друг друга; в таких группах в подборе членов будет требоваться большая или меньшая осторожность, смотря по целям группы: та, которая задаётся целями особенно конспиративными, будет, разумеется, наименее доступна.

Каждая группа имеет право быть как ей угодно строгой в выборе своих членов, и это нужно запомнить всем, кто в силу какого-то странного предрассудка предполагает, что анархическая организация должна быть открытая, и что в неё должен быть свободен доступ всякому. Мы категорически заявляем: нет, члены группы должны быть хорошо известны друг другу, и тем более известны, что они все равноправны. Мало того; они должны вообще подходить друг к другу как можно ближе; если же такая тесная связь невозможна, то лучше разбиться на несколько групп, чем составлять одну группу из разнородных элементов. Тесная связь членов группы между собой устраняет многие принципиальные и практические затруднения.

Как решаются, например, спорные вопросы? Разумеется, не большинством голосов, потому что мы не придаём цены числу: сами – вечно в меньшинстве (таков всегда удел революционеров), мы знаем цену численного превосходства и не считаем решения правильным только потому, что за него высказывалось 11 человек, а не 10. По каждому данному вопросу в группе *должны прийти к соглашению*; если же вопрос настолько важен, что никакие добровольные уступки невозможны, то непозволительно было бы прибегать к механическому давлению числа: тогда остаётся только разделиться.

Каждая такая группа – будь она постоянная, или созданная для определённых целей, – должна быть совершенно свободна и автономна в своей деятельности. Она может входить или не входить в сношения с другими группами, устанавливать какие ей угодно связи или соглашения с теми или другими из них, смотря по роду своей деятельности. Группы одного города могут организовать местную федерацию (так происходило в России повсюду, где развивалось анархическое движение); эти федерации в свою очередь, в интересах дела, обыкновенно находят нужным сноситься

между собой. Способы, какими ведутся эти сношения, могут быть очень различны: возьмёт ли их на себя одна из местных групп, или даже один из местных товарищей, почему-нибудь легче могущий исполнять это, будут ли группы чередоваться в этом деле (как было одно время в испанской рабочей федерации), или сношения будут вестись отдельными товарищами, имеющими личные связи (как обыкновенно происходит во французских группах) – это зависит от условий, и принципиального значения не имеет. Лишь бы каждая группа помнила, что о чём бы ни шла речь: о принципиальном вопросе или подготовке боевого акта, *принятое решение всегда обязательно только для тех, кто принимает его и кто с ним добровольно соглашается*. Это – основной принцип анархической организации, и его мы всегда должны иметь в виду при создании тех или других её форм.

———

Помимо постоянной федеративной связи, существенным средством общения между группами могут служить съезды. Вопрос о них поднимался немало раз в анархической прессе после исчезновения Интернационала; многие товарищи высказывались вначале (80-е годы) решительно против всякого рода съездов, и это было в то время вполне понятно: мысль о возможности таких съездов, где нет ни голосования, ни давления большинства на меньшинство, возникла и привилась лишь позднее[1].

Однако анархисты не отказывались от участия на международных социалистических конгрессах, не считая возможным чуждаться движения из-за организационного вопроса: они были и на парижском конгрессе 1889 года, и на брюссельском 1891-го, и на цюрихском (1893) и на лондонском (1896). И если с тех пор их участие прекратилось, то потому только, что социал-демократическое большинство сначала решило закрыть доступ на конгрессы группам, не признающим участия в парламенте (Цюрих, 1893), а затем обязало и делегатов рабочих союзов давать подписку о принятии парламентарного символа веры (последнее было вызвано присутствием на Лондонском конгрессе 1896 года большого числа анархистов, посланных рабочими союзами).

Участвуют наши товарищи и на конгрессах рабочих союзов, не смущаясь тем, что организационные правила этих конгрессов во многом расходятся с их собственными. Мы упоминаем об этом только потому, что уж очень принято говорить об анархистах как о существах необщительных и неуживчивых по природе, годных только на то, чтобы разрушать чужие организации.

Устраивали и устраивают анархисты и свои, чисто анархические съезды. В Бельгии такие съезды происходят периодически, а в Англии – раз в год; собираются или делегаты всех существующих групп, или только из нескольких городов. В Соединённых Штатах, где движение ведётся главным образом выходцами из Европы, происходят такие же съезды анархистов различных национальностей; их устраивают и наши товарищи, русские выходцы, ведущие пропаганду на еврейском языке. Бывают анархические съезды и в Голландии, и даже в Германии.

[1] Пример существовал, однако, в съездах английских рабочих союзов [тред-юнионов]. Решения их съездов обязательны только для тех союзов, которые их подтвердят у себя, в союзе. – Ред.

Международные конгрессы анархистов всегда встречали большие затруднения в виду полицейских преследований. Неподготовленные, импровизированные конференции происходили в Цюрихе и в Лондоне во время общесоциалистических международных конгрессов. Затем в 1900 году должен был состояться в Париже серьёзный, задолго подготовленный съезд. На призыв группы товарищей, взявших на себя инициативу, откликнулись охотно, и ко времени съезда в Париже собралось довольно много анархистов, французов, итальянцев, голландцев, испанцев, американцев и так далее. Было получено больше 90 докладов по разным вопросам теории и практики, а также о ходе движения в разных странах[2]. Но конгресс был запрещён французским правительством на основании исключительного закона против анархистов, и пришлось ограничиться частными совещаниями между отдельными товарищами. На этом конгрессе, как и на всех анархических конгрессах, должны были читаться доклады, происходить прения, но не должно было быть никаких голосований, никаких обязательных решений.

Как известно, по инициативе бельгийских товарищей через несколько месяцев вновь предполагается устроить международный съезд анархистов, на этот раз в Амстердаме. Он будет происходить по такому же плану.

Такие именно съезды признают анархисты, и считают их одним из важных средств для установления тесных связей между действующими группами.

———

Как смотрим мы на анархические органы, на партийную печать? – Может ли быть у анархистов газета, которая бы считалась органом всей партии и официальным выразителем её мнений? Очевидно, нет. Газете приходится заниматься не только вопросами, на которых все товарищи сходятся, но и такими, в которых существуют разногласия. В централизованных партиях дело решается просто: орган находится в руках большинства и выражает его мнение, меньшинство же должно молчать. Для нас такое решение, разумеется, невозможно; мы поэтому категорически отказываемся от всякой мысли об официальном органе. Газета – выражение мысли той группы, которая её издаёт; своим органом её могут считать только те, кто с нею согласен. Группы или товарищи, несогласные или просто смотрящие иначе на задачи газеты, могут издавать другой орган, и от этого между обоими изданиями не происходит никакой вражды[3]. В централизованных партиях, если меньшинство создаёт свой орган, то именно всегда *против* большинства. Этим оно вносит вражду в партию. У нас могут существовать рядом десятки органов, нисколько не нарушая товарищеских отношений групп. Вот почему ни одна анархическая газета не считает себя выразительницей мнений *всех* анархистов; не претендуя на это, она и не может зато обещать печатать статьи всех оттенков анархизма. Она служит программе и оттенку мысли своей группы и тех, кто согласен с ней. – Эти несколько замечаний о газете нужны для русских читателей потому, что у нас ещё не успели привыкнуть к

[2] Они составляют большой том, изданный при **Temps Nouveaux** в Париже. Наше издание «Доклады Конгрессу» содержит только некоторые из них. – Ред.

[3] Любопытно заметить, что всякий раз появление нового органа усиливало обращение всех остальных. Заинтересовывались новые круги читателей. – Ред.

такому складу анархической прессы, и понятие об официальных партийных органах сидит ещё глубоко.

———

Отсутствие у анархистов центрального учреждения, которое выражало бы мнение всей партии, обыкновенно считается причиной того, что у нас, как говорится, «всякий молодец на свой образец». Но стоит только немного подумать, чтобы увидать, что существование центрального комитета ничего не изменило бы. Положим, что в партии по какому-нибудь вопросу существует разногласие. При централистической организации это разногласие, разумеется, не исчезает, а только *подавляется* дисциплиной; в результате меньшинству нет возможности проводить свою точку зрения на практике, а всем членам партии – большинству или меньшинству – нет возможности увидать, как решается данный вопрос самой жизнью. Разногласие обостряется, создаётся хронический внутренний разлад, сдерживаемый чисто внешним образом; обе стороны, вместо того чтобы искать точек соприкосновения, всё дальше расходятся.

Иначе происходит дело у анархистов. Возникает известный тактический вопрос, например о том, идти или не идти в профессиональные рабочие союзы (так было, например, во Франции в половине 90-х годов). Большинство французских товарищей в предыдущие годы имели много случаев убедиться в косности этих союзов; их умеренность и политиканство кажутся им неисправимыми; они не верят в возможность сделать из них орудия революционной борьбы. Другие находят напротив, что есть признаки расширения задач этих союзов и развития в них революционного духа; войдя в них, они надеются углубить его. Решайся этот вопрос голосованием на конгрессе, большинство было бы несомненно на стороне первых, и вторым был бы отрезан всякий путь к испытанию на практике предлагаемого ими способа действия. Но произошло иначе. Вопрос обсуждался в группах, в газетах. Желавшие вступить в рабочие организации свободно могли поступать, как находили лучшим. Первые опыты их оказались успешными; рабочие понемногу переставали бояться анархистов и приучались ценить в них преданных и бескорыстных работников. Анархические идеи прививались. Этот жизненный опыт был лучшим аргументом: число анархистов «синдикалистов» быстро увеличилось, и теперь, за ничтожными исключениями, французские анархисты признали возможность и необходимость для рабочих союзов сыграть в революционный момент решающую роль. Вопрос решился жизнью, а не голосованием.

Невольно вспоминается, как ответила французская анархическая газета «*La Révolte*» на упрёк, высказанный бывшим коммунаром Лефрансэ в брошюре «Куда идут анархисты?». Автор упрекает анархистов, между прочим, в том, что их принцип: «Делай что хочешь». Да, говорит «*La Révolte*», «Делай что хочешь» – наш идеал общества, и мы считаем его неизбежным следствием отрицания власти человека над человеком. И разве сам Лефрансэ, и в 1848 году, и при Империи, и во время Коммуны, не показал своим примером, что никто никогда не мог заставить его делать то, чего он не хочет?

А мы прибавим: и не представляет ли этот принцип всегда и везде неотъемлемую принадлежность революционера? Да, анархист стремится к тому, чтобы люди

делали то, чего они хотят, и своей деятельностью надеется не *принудить* людей к известным поступкам, а привести к тому, чтобы они *хотели* поступать так или иначе. Бороться силой мы будем с теми, у кого сила в руках и кто насильем удерживает своё господство. Но когда революция победит (а внутри революционной среды – уже и теперь), мы будем рассчитывать для дальнейшего распространения наших идей на одно только *вольное соглашение*.

———

VI.
ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТОВ-АНАРХИСТОВ К СУЩЕСТВУЮЩИМ В РОССИИ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ.
И. Ветрова.

Вопрос об отношении коммунистов-анархистов к существующим в России политическим партиям может иметь двоякий смысл: во-первых, он может означать *различие* между теорией и практикой анархического коммунизма и соответственной теорией и практикой других партий; во-вторых, он может означать *возможность или невозможность соглашения* анархистов с другими партиями.

Будучи понимаем в первом смысле, вопрос получает чисто теоретический характер, и для разрешения его мы должны дать себе ясный отчёт как в нашей собственной программе, так и в программах тех партий, с которыми мы хотим размежеваться. Подробное рассмотрение этого вопроса потребовало бы целой книги или по крайней мере брошюры. Но так как без предварительного его рассмотрения мы не можем решить вопроса о возможности или невозможности соглашения с другими партиями, то мы должны его рассмотреть хотя бы в кратких чертах.

Какова же *наша* программа? Каковы программы других партий?

Будучи выражена в немногих словах, конечная цель нашей программы есть социализм, то есть обобществление земли и орудий труда, но при полном отсутствии государственной власти; средством же для этой цели безгосударственного социализма является организация рабочих в синдикатах и непосредственная борьба их путём революционной всеобщей стачки как против капиталистов, так и против всякой государственной власти. Наша *экономическая* задача заключается в упразднении всякой прибавочной стоимости, то есть всякой эксплуатации человека человеком. Наша *политическая* задача заключается в упразднении военных и судебно-полицейских устоев власти, составляющих краеугольный камень всякого государства.

В противовес нам, коммунистам-анархистам, либеральные партии являются врагами социализма и желают сохранения существующего порядка частной собственности; они высоко ценят военную и судебно-полицейскую силу государства как охранительницу этой частной собственности.

С другой стороны, партии социал-демократов и социалистов-революционеров, имея ту же конечную цель, что и мы, то есть социализм, полагают однако, что вне опе-

ки государственной власти социализм немыслим, и стремятся к самому торжеству социализма путём участия в современной политической власти.

Либералы жаждут власти для того, чтобы *закрепить* существующие монополии капитала; социалисты же добиваются власти для того, чтобы *уничтожить* эти монополии и *урегулировать новый социалистический порядок собственности с помощью войска, полиции и юстиции*.

Из всего здесь сказанного ясно, что между коммунистами-анархистами, с одной стороны, и либералами или социалистами, с другой – существует непроходимая пропасть. Либералы, как и социалисты, не представляют себе общественного прогресса вне участия в государственной власти; войско, полиция и юстиция одинаково представляются для них необходимыми силами, охраняющими общество. Между тем мы, коммунисты-анархисты, видим в государственной власти *препятствие* для общественного прогресса, а в войске, полиции и юстиции – неиссякаемый *источник порчи и развращения* всякого народа. Хотя социалисты стремятся к социализму подобно нам, но поскольку они и его желают опирать на насилие государства в будущем, и поскольку стремятся к нему путём участия в государственной власти в настоящем, постольку они враждебны для нас не меньше либералов.

Всем, до сих пор сказанным, сам собой даётся вполне отрицательный ответ на вопрос о возможности какого бы то ни было соглашения между нами и какой-либо из существующих политических партий.

Социалисты вступают иногда в соглашение с либералами, вопреки полной противоположности их конечной цели, потому что и те и другие одинаково смотрят на политическую власть как на единственное средство воздействия на общество. У них *есть* общий враг: существующее официальное правительство, желающее их отстранить от власти. Отстранение от власти означает для них потерю всякого влияния на общественные дела, и потому они готовы забыть на время свои разногласия, лишь бы завоевать для себя самую возможность общественной деятельности – посредством власти. Для нас же, коммунистов-анархистов, участие в государственной власти является **недопустимым**; наше поле деятельности – сам народ, рабочие и крестьяне; для того чтобы работать среди них, у нас нет нужды в каких-либо других силах, кроме собственной преданности нашему идеалу. Вот почему мы ни с какой из существующих партий, поскольку они принимают участие в государственно-политической борьбе, ни в какое соглашение вступать не можем.

Другое дело, если какая-либо из существующих партий, помимо легальной политической борьбы, вступает на революционный путь. Мы знаем, что такие отрадные явления имеют иногда место. Многие из социал-демократов и социалистов-революционеров смотрят совершенно отрицательно на участие в парламенте и считают единственно достойной социалиста работой – организацию самих рабочих масс для непосредственного завоевания ими своих прав на землю и орудия труда. С подобными революционными актами мы не можем не считаться, хотя вдохновлявшие их авторов цели разнятся от наших собственных. В таких случаях мы должны приветствовать революционную агитацию других партий, но при этом открыто и с возможно большей энергией выяснять отличие нашего идеала от идеала этих партий.

Если заходит, например, речь о том, чтобы не давать рекрутов правительству, или не платить податей, мы должны подчёркивать, что мы стоим за то, чтобы народ не давал правительству солдат, не только до тех пор, пока оно не созовёт новой Думы, но чтобы он **вообще** солдат не давал, **вообще** налогов не платил, ибо только в таком случае можно обессилить ту кучку зловредных паразитов, которая образует правительство и с помощью крови и труда самого же народа угнетает народ.

В заключение ещё несколько слов по поводу нашего отношения к представителям других партий как к **лицам**. Всегда надо иметь в виду, что среди представителей всякой партии есть лица искренние, честные, преисполненные по отношению к народу не меньше благими намерениями, чем мы. Так как **на глаз** никто не может отличить искреннего и честного конституционалиста-демократа, социал-демократа или социалиста-революционера от неискреннего и нечестного, то лучше всего **всегда** предполагать, что вы имеете дело с противником искренним и честным, и стараться воздействовать на него не путём унижающих человеческое достоинство сомнительных красот партийной ругани, а путём ясного изложения своей собственной программы и путём не менее ясного указания недостатков программы других партий. Нельзя забывать, что если мы имеем в настоящее время в России довольно много анархистов-коммунистов, как среди интеллигенции, так особенно среди рабочих, то огромное большинство этих наших товарищей ещё недавно были социал-демократами, социалистами-революционерами, а иногда и конституционалистами-демократами. Идеал анархического коммунизма, исключающий из общественного обихода всякое насильственное принуждение и всякую эксплуатацию человека человеком, как и идеал чистого социализма вообще, настолько прекрасен, возвышен и выгоден, что ни один порядочный человек не может считать его нежелательным. Если порядочные люди говорят против анархического коммунизма, то делают они это не принципиально, а лишь из соображений «реальной политики», или практики. Все существующие рядом с нами партии являются в этом отношении минималистами и постепеновцами, считая при этом нас утопическими максималистами и фантазёрами, мечтающими в несколько дней водворить во всём мире анархический коммунизм. Мы должны поэтому особенно подробно развивать ту часть нашей программы, которая касается практики. Мы должны энергично открещиваться от обвинения в утопизме и фантазёрстве. Мы должны показать, что настоящими практиками и действительно реальными политиками являемся только мы, так как мы одни зовём народ к непосредственной творческой самодеятельности в той сфере, которая является единственно полезной.

Когда конституционалист-демократ зовёт народ к подаче голосов за реформы в рамках буржуазного строя; когда социал-демократ или социалист-революционер зовёт на борьбу за демократическую республику, долженствующую декретировать социализм, – они действуют с помощью таких сил, как идея представительства и идея государственной регламентации, – сил, которые имеют реальную опору в произволе суда и в грубом насилии войска и полиции, и потому *всегда* более вредны, чем полезны. Опыт повседневной жизни таких стран, как Франция, Англия, Россия, достаточно ясно говорит нам, что все формы правительства *одинаково* враждебны социализму и *одинаково* борются против голодающего пролетариата с помощью тех самых солдат, суда и полиции, которые должны были бы защищать народ. Вот

отчего всякая партия, которая хочет добиться народного блага с помощью правительственного насилия, похожа на человека, который хочет тушить пожар с помощью керосина.

Бороться против современного политико-экономического строя можно **только борясь против его реальной опоры** – суда, полиции и войска во всех их центральных и местных, декретированных и выборных формах. **Настоящим социалистом можно быть только будучи анархистом**. Всякая борьба против капитала должна быть одновременно борьбой и против государства, то есть против реального его проявления – суда, полиции и войска.

Поскольку мы – анархисты, мы из рамок **этой** борьбы выходить не можем; поскольку мы жаждем **скорейшего** осуществления социализма, мы не можем оставаться равнодушными к судебно-полицейским и военным устоям *всех* современных государств без различия их форм.

Правда, *эта* борьба больше и бесчеловечнее всего преследуется всеми правительствами; *эта* борьба требует от нас наивысшей энергии и способности к самопожертвованию; но от этого она не делается ни фантастичной, ни утопической. Было время – не очень давно – когда у нас казнили, погребали в тюрьмах и ссылали в Сибирь сотни и тысячи людей за *мысль о конституции*; лучшие люди удивляли до сих пор весь мир своим героизмом и самопожертвованием *во имя ограниченной монархии* или *демократической республики*. Отсутствие страха перед преследованиями правительства и героическая способность к самопожертвованию всегда являлись отличительными чертами искренних и честных людей, независимо от цели их борьбы.

Надо надеяться, что духовный уровень анархистов-коммунистов в этом отношении не ниже среднего уровня сторонников других партий. Если до сих пор, вопреки преследованиям правительств, находились способные к самопожертвованию люди для борьбы за конституцию или за государственный социализм, то найдутся подобные же люди и для борьбы за безгосударственный социализм, то есть за анархический коммунизм. И именно среди наиболее самоотверженных социал-демократов или социалистов-революционеров или даже конституционалистов-демократов, раз только они ближе познакомятся с нашей программой, скорее всего могут найтись люди, которые и впредь, как это бывало до сих пор, будут переходить в наш лагерь. Нам нельзя поэтому относиться отрицательно к сторонникам других партий *как к отдельным лицам*, но напротив, уважая их как людей, стараться привлечь их на свою сторону, оставаясь в то же время вполне непримиримыми по вопросу о соглашениях с ними *как с партийными людьми*.

Полная терпимость к людям, к какой бы партии они ни принадлежали; *полная непримиримость по отношению к программам других партий*, независимо от степени их расхождения с нашим основным принципом – стремлением к безгосударственному социализму путём борьбы с судебно-полицейскими и военными устоями всех правительств, а также путём непосредственной организации рабочих масс в синдикатах и подготовки их к *последней* – всеобщей стачке и захвату всех накопленных веками богатств в *общую* собственность всего народа!

Таково должно быть наше отношение к партиям, борющимся рядом с нами против произвола правительства и против эксплуатации капитала. Борьба всех существующих, кроме нас, партий только менее принципиальна, чем наша, и бьет мимо цели

на практике: вместо того чтобы стараться раз и навсегда упразднить государственную власть, они хотят её облагородить, что равносильно желанию облагородить профессионального палача. Но мы никогда не должны забывать ни про героизм многих из представителей других партий, ни про жестокие преследования, которым подвергает их русское правительство. Помня это, мы не будем отказываться от известного общественно-полезного дела (например, от синдикализма) только потому, что его уже делают другие партии: как будто решительно всё, что делают другие партии, только плохо и скверно! Помня это, мы будем меньше заниматься партийной руганью с другими партиями, чем интенсивной борьбой с нашими врагами – государством и капиталом.

———

VII.
ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА.
М. Изидиной

[1]Вопрос о всеобщей стачке, который ещё так недавно обходила молчанием почти вся социалистическая литература, за исключением анархической, в последние годы выступил на первый план во всей Европе. Это случилось благодаря развитию в революционном направлении профессиональных рабочих союзов, которые теперь играют всё большую роль в социалистическом движении и постепенно отодвигают на задний план парламентские социалистические партии. На всех интернациональных и национальных конгрессах социал-демократии приходится обсуждать этот вопрос, от которого ещё так недавно она отделывалась известной фразой: «Всеобщая стачка есть всеобщая бессмыслица»; а последний международный конгресс (амстердамский) признал, хотя и неохотно, всеобщую стачку допустимым орудием борьбы.

В России идея всеобщей стачки выросла с удивительной быстротой. Ещё каких-нибудь 5–6 лет тому назад заговорить о ней значило заговорить на каком-то чужом, непонятном ни для кого языке. Можно ли думать, говорили нам, о подобном средстве борьбы в стране, где даже самая мелкая стачка – преступление, и существующий правительственный строй делает невозможным движение, требующее открытой и широкой пропаганды, необычайной предварительной организации, замечательного единства действия. На деле оказалось однако, что как только русское рабочее движение выросло настолько, что, почувствовав свою силу, вышло на улицу, оно приняло всеобщую стачку как самое лучшее, самое верное средство борьбы. Первым крупным движением этого рода были южно-русские стачки 1903 года; затем грандиозная стачечная волна прокатилась по всей России после 9 января; наконец октябрьское движение 1905 года, приостановив экономическую жизнь столиц и оторвав Россию от всего остального мира, оказалось, по высоте революционного настроения и по своему могуществу, самым знаменательным из протекших до сих пор моментов русской революции. Этому движению удалось сделать то, чего не могла достигнуть ни идейная пропаганда, ни всеобщая ненависть к господствующему политическому строю, ни полувековая борьба революционеров, ни героизм террористических актов: правительство сдалось, оно оказалось бессильным перед напором всеобщей стачки. Ценны здесь для нас, конечно, не сами уступки, а тот путь, которым они были достигнуты. Специально рабочее орудие борьбы – стачка – до сих пор служившее лишь для завоевания отдельных частичных улучшений, поднялось здесь на высоту средства борьбы с целым режимом; эту борьбу целиком вынесли на себе рабочие; как рабочие,

[1] Изидина, Корн – псевдонимы Марии Исидоровны Гольдсмит. (совр. прим. 2026)

силой давления своих профессиональных организаций, они добыли свободу печати, завоевали себе захватным порядком право собраний и свободу слова и показали путь, каким придётся бороться и в будущем. Всеобщая стачка и захватный порядок – два тактических приёма, близкие анархическому миросозерцанию – были именно в России проведены в жизнь полнее, чем где бы то ни было.

Отрицать силу и значение всеобщей стачки после такого опыта – невозможно. Но этого мало: необходимо выяснить, под какими лозунгами идёт и может идти борьба, как организуется она, к каким результатам приводит. Социал-демократия, признав в резолюции Амстердамского конгресса всеобщую, или, по принятой формулировке, «массовую» стачку пригодным орудием борьбы, вместе с тем поспешила заявить, что её «массовая стачка» не есть «всеобщая стачка» анархистов. В чём же различие, и что понимаем под всеобщей стачкой *мы*?

Идея всеобщей стачки – идея не новая. Она возникла в западной Европе в процессе рабочей борьбы, той стачечной борьбы, которая всегда была одной из главных форм протеста рабочего класса против капиталистического гнёта. Стачки более или менее обширные и революционные велись во всех странах по различным поводам и с разными целями – экономическими и политическими, профессиональными и общими. Но одна черта объединяла все эти движения: они сплачивали рабочих, противопоставляя их буржуазии, как одно солидарное целое, наглядно показывали деление общества на трудящихся и не трудящихся, на производителей и паразитов. В этом – социалистическое значение стачечной борьбы. На ней рабочие научились сознавать своё могущество и смотреть вперёд, уже не только на улучшение своего положения, но и на своё *полное освобождение*. Сорок лет тому назад Интернационал явился выразителем этих стремлений и провозгласил два великие принципа: международную солидарность и рабочую самодеятельность. Вместе с тем сейчас же заговорили о всеобщей стачке. Вопрос был поднят сначала на Брюссельском конгрессе (1868), затем более подробно разбирался на Женевском конгрессе 1873 года, уже после раскола в Ассоциации; отметим, что поставила и обсуждала его именно федералистическая часть Интернационала, та, во главе которой стояла знаменитая Юрская федерация. В последующие годы однако мы не видим дальнейшего развития этой идеи, как не видим и попыток её практического осуществления. Причина этого, с одной стороны – общая реакция, охватившая Европу после поражения Коммуны, с другой – то направление (тоже реакция в социализме), которое приняло рабочее движение. В предыдущие годы целый ряд революционных движений вызвал много перемен в политическом строе европейских стран: были завоеваны где республика, где всеобщее избирательное право, где другие политические реформы. Среди социалистов возникло и укрепилось направление, возлагавшее на эти новые учреждения все надежды; рабочие – как у нас теперь – ещё не имели случая в них разочароваться. Принцип рабочей солидарности был забыт, а с ним была оставлена и мысль о всеобщей стачке. Парламентаризм и легальная политика надолго отвлекли внимание от чисто рабочих способов борьбы.

О всеобщей стачке вспомнили больше 16 лет спустя, когда в 1885-87 годах в Америке поднялось сильное движение в пользу 8-ми часового рабочего дня. Это было именно то движение, которое послужило началом первомайских манифестаций, и мы не можем не напомнить всем, кто теперь принимает участие в демонстрациях

1-го мая, что за него поплатились жизнью наши товарищи-анархисты, повешенные в Чикаго 11 ноября 1887 года – Вскоре мысль о всеобщей стачке перенеслась в Европу и быстро стала приобретать себе сторонников, особенно среди французских рабочих. Вместе с тем, по мере того как над ней стали задумываться, изменился и самый взгляд на неё: из средства достижения уменьшения рабочего времени, увеличения заработной платы и тому подобного она стала в глазах рабочих средством **полного освобождения** рабочего класса.

В 1888 году во Франции происходил съезд рабочих союзов; на нём в первый раз вопрос о всеобщей стачке был поставлен и разрешён именно в этом смысле. На следующих конгрессах, в 1892 и 1893 годах, он снова обсуждался; прения были очень горячие, новая идея встретила сильный отпор в социал-демократических рядах. Решительным моментом был съезд 1894 года в Нанте: обе партии выставили самые убедительные аргументы, самых лучших своих ораторов; весь съезд был поглощён этим вопросом. Наконец идея всеобщей стачки была окончательно признана, и с тех пор стала лозунгом французского рабочего движения, основной чертой того течения, которое в последние годы приняло название «революционного синдикализма».

———

Как всякая новая идея, однако, всеобщая стачка не сразу приняла во взглядах наших западноевропейских товарищей ту форму, в которой мы находим её теперь. Вопросы выяснялись мало-помалу. Много заблуждений отошло в вечность. Практика стачек, частных и общих, дала ряд указаний и помогла разрешить вопрос о том, чем может быть и как может произойти всеобщая стачка. Во-первых, что такое **всеобщая** стачка? Неужели ждать, пока все рабочие **всей** страны бросят работу? Практика показала, что это совершенно лишнее, что при наличности горючего материала в рабочей среде достаточно приостановки одной какой-нибудь отрасли, важной для общего хода экономической жизни. Особенно грозными оказывались всегда стачки железнодорожных и портовых рабочих и служащих; недаром правительства (во Франции, в Италии, в Голландии и так далее) пугались и пытаются внести такие законы, которые бы предотвратили эти стачки, или путём полного запрещения их, или путём призыва железнодорожников на военную службу в момент стачки, или путём замены стачечников солдатами. В России зверские правительственные убийства на линиях железнодорожных дорог, карательные поезда, постоянная посылка войск на станции – лучшие свидетели панического страха, внушаемого железнодорожной стачкой. Кроме того, всякая стачка, охватившая какую-нибудь важную отрасль промышленности, неизбежно ведёт к приостановке работ в других отраслях, с ней связанных, и заставляет бастовать поневоле целую массу рабочих. Это – один из путей расширения стачки; другой – самый существенный – вытекает из накопившегося недовольства, из заразительности примера, из духа рабочей солидарности. Быстрота и легкость, с какой рабочим в России удавалось во время стачки снимать работавших, закрывать фабрики и мастерские и в несколько часов останавливать жизнь любого промышленного центра, служат лучшим доказательством того, что для успеха стачки вовсе не нужно, чтобы к движению **заранее** примкнули все рабочие.

Вопрос о предварительной организации всеобщей стачки, об управлении ею, о декретировании её в определённый момент – тоже один из важнейших в практиче-

ском отношении вопросов. Относительно его существует, в России в особенности, много заблуждений и предрассудков; Россия ещё имеет мало опыта в **массовых** революционных движениях, и русские деятели склонны придавать преувеличенное значение решениям тех или иных партийных организаций, забывая, что жизнь партии и жизнь массового движения следуют совершенно различным законам. Вот почему стачки декретированные никогда не удавались, а те, которые возникали стихийно, принимали неожиданно широкие размеры и разрастались в грандиозные революционные движения. В самом деле, как развивается обыкновенно стачка, когда она становится всеобщей? Начинают бастовать по какому-нибудь поводу рабочие одного завода или одной мастерской; затем, если настроение боевое, их требования поддерживают рабочие других заводов, попутно выставляя и свои. Стачка разрастается, питаясь сопротивлением хозяев и начинающимися правительственными репрессиями. Начинаются собрания, демонстрации, возникают «стачки из солидарности» в других отраслях. Если движение идёт достаточно быстро и подъём духа силён, рабочие закрывают всё, что ещё работает, стачка становится всеобщей. В этот момент город – а иногда и целый ряд городов – фактически во власти рабочих. Это – самый решительный, самый критический момент движения; от него зависит вся судьба его. И вот во взгляде на этот-то момент мы решительнее всего и расходимся с социалистами-государственниками всех фракций.

Самый важный вопрос в это время: останется ли всеобщая стачка мирной: «стачкой со сложенными руками», или же станет революционной, перейдёт в наступление? Мы отвечаем: чтобы движение быстро не пошло на убыль, этот второй шаг необходим. Наш ответ вполне сходится с тем, какой дают французские рабочие, лучше всех других разработавшие вопрос о возможном характере и исходе всеобщей стачки. Вот что говорится, например, в одной брошюре Пеллутье[2], одного из самых видных деятелей рабочих союзов во Франции:

«Всеобщая стачка не будет движением мирным, потому что если бы даже такое движение было возможно, оно не привело бы ни к чему. Если говорить о том, у кого будет больше средств, то преимущество всегда останется на стороне богатых; победить деньги может только сила. Иногда говорят, что рабочие могут сделать себе запасы заранее; но ведь буржуазия может сделать это ещё легче! Допустим однако, что с обеих сторон окажется одинаковое количество запасов. Ну, а когда они выйдут, что тогда? Представьте себе такую сцену: с одной стороны – буржуа, с другой – рабочие, все – голодные, а между ними в бездействии все средства производства, то есть путь к тому, чтобы утолить свой голод… Допустим даже, что буржуа уступят первые. Чего же потребуют от них рабочие? Полного отречения? Тогда, раз уж погибать, буржуа предпочтут попытать счастья в борьбе, и всеобщая стачка превратится в революцию. Но возможно, что рабочие потребуют только некоторых уступок… но тогда через несколько лет та же история возобновится: Нет, я говорю прямо, что всеобщая стачка, это – революция».

Брошюра Пеллутье была написана лет 8-9 тому назад, и вот что говорилось в 1900 году на съезде французских рабочих организаций в Париже: «Если вы стремитесь ко всеобщей стачке, говорит один делегат, вы должны подумать о том, что последует

[2] «*Qu'est ce que la Grève Générale*».

за нею, о роли рабочих после победы. Нужно например, чтобы булочники знали, сколько хлеба нужно напечь для данной местности, какими средствами они для этого располагают и так далее». «Когда мы провозгласим всеобщую стачку, говорит другой, мы должны будем иметь смелость сделать её революционной… Она будет пробуждением рабочей энергии, завоеванием всех орудий производства». Третий объясняет: «Если мы устроим всеобщую стачку, то именно для того, чтобы завладеть средствами производства; чтобы отнять их у имущих классов, которые, конечно, не захотят отдать их добровольно. Нужно поэтому, чтобы всеобщая стачка приняла революционный характер; к этому её приведут впрочем сами события». Тот же взгляд проводится и в ряде статей о всеобщей стачке, помещённых в сборнике «Всеобщая стачка и социализм», изданном года полтора тому назад Лагарделем[3]. Перед Амстердамским конгрессом редакция журнала «*Mouvement Socialiste*», издаваемого им, разослала видным деятелям социализма и рабочего движения ряд вопросов относительно их понимания всеобщей стачки. Ответы социал-демократов выражают или совершенно отрицательное отношение к ней, или крайне суживают её задачу; ответ представителей рабочих организаций, особенно французских, носит обратный характер. Вот, между прочим, что говорит Гриффюэль, секретарь французской Всеобщей Конфедерации Труда: «Всеобщая стачка, в её современном виде, не является для рабочих простой приостановкой работы: она есть завладение всем общественным богатством, которое будет затем эксплуатироваться корпорациями[4], в частности синдикатами, в пользу всех…».

Такое понимание всеобщей стачки есть и наше понимание. Оно естественно вытекает из нашей основной точки зрения непосредственной **экономической** революции, непосредственного захвата рабочими всех орудий труда и наличных богатств, – и тесно связано с ней. Вот почему этот взгляд никогда не будет разделяться теми социалистическими партиями, которые идут к социализму через захват власти, и почему между социал-демократическим пониманием всеобщей стачки и нашим всегда будет целая пропасть.

Итак, для нас всеобщая стачка – разрастающаяся сама собой, стихийно, благодаря боевому настроению рабочей среды, а не декретированная каким-нибудь центральным органом – первый шаг революции, шаг, который должен дезорганизовать буржуазные и государственные силы и крайне затруднить для них борьбу. За этим шагом должен последовать второй – **экспроприация**. Всеобщая стачка, в наших глазах, – слишком могучее средство для достижения политических реформ или частичных улучшений. Когда, хоть на один день, рабочие становятся господами положения, не воспользоваться этим для решительного боя и для решительной победы мы считаем положительно преступным. Пора уже, чтобы рабочие силы и рабочая кровь перестали тратиться даром.

[3] «*La Grève Générale et le Socialisme*».

[4] То есть объединениями рабочих. (2026)

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Пётр Кропоткин
Русская Революция и Анархизм.
Доклады, читанные на съезде Коммунистов-Анархистов, в октябре 1906 года. Под редакцией П. Кропоткина
1907

ru.anarchistlibraries.net